

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

НЕЧИСТАЯ
СИЛА

Валентин Пикуль
Нечистая сила. Том 1

«ВЕЧЕ»

1979

Пикуль В. С.

Нечистая сила. Том 1 / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1979

ISBN 978-5-4444-9068-6

«Нечистая сила». Книга, которую сам Валентин Пикуль назвал «главной удачей в своей литературной биографии». Повесть о жизни и гибели одной из неоднозначнейших фигур российской истории – Григория Распутина – перерастает под пером Пикуля в масштабное и увлекательное повествование о самом парадоксальном, наверное, для нашей страны периоде – кратком перерыве между Февральской и Октябрьской революциями...

ISBN 978-5-4444-9068-6

© Пикуль В. С., 1979

© ВЕЧЕ, 1979

Содержание

Пролог, который мог бы стать эпилогом	6
Часть первая. Помазанники Божии	12
Прелюдия к первой части	13
1. Гатчинские затворники	17
2. Суций младенец Ники	21
3. Гессенская муха	25
4. Воспитательное путешествие	28
5. Колесо истории	31
6. Скандал в Ливадии	34
7. Нечистая сила	39
8. Житие царя тишайшего	43
9. Первые призраки	48
10. Звериный рык	53
11. Явление мессии	57
12. Чудо без чудес	61
13. Бесстыжий апостол	66
14. Парламент на крови	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Валентин Пикуль

Нечистая сила

Том 1

© Пикуль В. С., наследники, 2007

© ООО «Издательство «Вече», 2007

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

*Памяти моей бабушки —
псковской крестьянки
Василисы Минаевны Карениной,
которая всю свою долгую жизнь
прожила не для себя, а для людей, — посвящаю.*

Пролог, который мог бы стать эпилогом

Старая русская история заканчивалась – начиналась новая. Стелясь в переулках крыльями, шарахались по своим пещерам гулко ухающие совы реакции... Первой исчезла куда-то не в меру догадливая Матильда Кшесинская, уникальнейшая прима весом в 2 пуда и 36 фунтов (пушинка русской сцены!); озверелая толпа дезертиров уже громила ее дворец, вдребезги разнося сказочные сады Семирамиды, где в пленительных кущах пели заморские птицы. Вездесущие газетчики утащили записную книжку балерины, и русский обыватель теперь мог узнать, как складывался поденный бюджет этой удивительной женщины:

За шляпку – 115 рубл.

Человеку на чай – 7 коп.

За костюм – 600 рубл.

Борная кислота – 15 коп.

Вовочке в подарок – 3 коп.

Императорскую чету временно содержали под арестом в Царском Селе; на митингах рабочих уже раздались призывы казнить «Николашку Кровавого», а из Англии обещали прислать за Романовыми крейсер, и Керенский выразил желание лично проводить царскую семью до Мурманска. Под окнами дворца студенты распевали:

Надо Алисе ехать назад,
Адрес для писем – Гессен – Дармштадт,
Фрау Алиса едет «нах Рейн»,
Фрау Алиса – ауввидерзейн!

Кто бы поверил, что еще недавно они спорили:

– Монастырь над могилою незабвенного мученика мы так и назовем: Распутинским! – утверждала императрица.

– Дорогая Аликс, – отвечал супруг почтительно, – но такое название в народе истолкуют превратно, ибо фамилия звучит непристойно. Обитель лучше именовать Григорьевской.

– Нет, Распутинской! – настаивала царица. – Григориев на Руси сотни тысяч, а Распутин только один...

Помирились на том, что монастырь станет называться Царскосельско-Распутинским; перед архитектором Зверевым императрица раскрыла «идейный» замысел будущего храма: «Григория убили в проклятом Петербурге, а потому Распутинский монастырь вы повернете к столице глухой стеной без единого окошка. Фасад же обители, светлый и радостный, обратите на мой дворец...» 21 марта 1917 года, именно в день рождения Распутина, они собирались закладывать монастырь. Но в феврале, опережая царские графики, грянула революция, и казалось, что сбылась давнишняя угроза Гришки царям: «Вот уж! Меня не станет – и вас не будет». Это правда, что после убийства Распутина царь продержался на престоле всего 74 дня. Когда армия терпит разгром, она закапывает свои знамена, дабы они не достались победителю. Распутин лежал в земле, подобно знамени павшей монархии, и никто не знал, где его могила. Место его погребения Романовы скрывали...

Штабс-капитан Климов, служивший на зенитных батареях Царского Села, однажды гулял по окраинам парков; случайно он выбрел к штабелям досок и кирпичей, на снегу коченела недостроенная часовня. Офицер фонариком осветил ее своды, заметил черневший под алтарем провал. Протиснувшись в его углубление, оказался в подземелье часовни. Здесь стоял гроб – большой и черный, почти квадратный; в крышке было отверстие, вроде корабельного

иллюминатора. Штабс-капитан направил луч фонаря прямо в это отверстие, и тогда на него из глубин небытия, жутко и призрачно, глянул сам Распутин...

Климов явился в Совет солдатских депутатов.

– Дураков-то на Руси много, – сказал он. – Не хватит ли уже экспериментов над русской психологией? Разве можем мы ручаться, что мракобесы не узнают, где лежит Гришка, как узнал это я? Надо от начала пресечь все паломничества распутинцев...

За это дело взялся солдат дивизиона броневиков большевик Г. В. Елин (вскоре первый начальник бронетанковых сил юной Советской Республики). Весь в черной коже, гневно скрипящей, он решил предать Распутина казни – казни после смерти!

Сегодня дежурным по охране царской семьи был поручик Киселев; на кухне ему вручили обеденное меню для «граждан Романовых».

– Суп-похлебка, – читал Киселев, маршируя длинными коридорами, – пирожки и котлеты из корюшки-ризотто, отбивные из овощей, каша-размазня и оладьи со смородиной... Что ж, недурно!

Двери, ведущие в царские покои, отворились.

– Гражданин император, – произнес поручик, вручая меню, – позвольте обратить ваше высочайшее внимание...

Николай II отложил бульварный «Синий журнал» (в котором одни его министры были представлены на фоне тюремной решетки, а головы других обвивали веревки) и ответил поручику тускло:

– А вас не затрудняет несуразное сочетание слов «гражданин» и «император»? Почему бы вам не называть меня проще...

Он хотел посоветовать, чтобы к нему обращались по имени-отчеству, но поручик Киселев понял намек иначе.

– Ваше величество, – шепнул он с оглядкой на двери, – солдатам гарнизона стало известно о могиле Распутина, сейчас они митингуют, решая, как им поступить с его прахом...

Императрица, вся в обостренном внимании, быстро переговорила с мужем по-английски, затем внезапно, даже не почуввав боли, сорвала с пальца драгоценный перстень, дар британской королевы Виктории, почти силком напялила его на мизинец поручика.

– Умоляю, – бормотала, – вы получите еще что вам угодно, только спасите! Бог накажет нас за это злодейство...

Состояние императрицы «было поистине ужасно, а еще того ужаснее – нервные подергивания лица и всего тела во время разговора с Киселевым, завершившегося сильным истерическим припадком». Поручик добежал до часовни, когда солдаты уже работали заступами, озлобленно вскрывая каменный пол, чтобы добраться до гроба. Киселев начал протестовать:

– Неужели среди вас не найдется верующих в бога?

Нашлись и такие среди солдат революции.

– В бога мы верим, – говорили они. – Но при чем здесь Гришка? Мы же не кладбище грабим, чтобы нажиться. А ходить по земле, в которой лежит эта падла, не желаем, и все тут!

Киселев кинулся к служебному телефону, названивая в Таврический дворец, где заседало Временное правительство. На другом конце провода оказался комиссар Войтинский:

– Спасибо! Я доложу министру юстиции Керенскому...

А гроб с Распутиным солдаты уже несли по улицам. Среди местных обывателей, набравших отовсюду, блуждали «вещественные доказательства», изъятые из могилы. Это было Евангелие в дорогом сафьяне и скромный образок, перевязанный шелковым бантиком, словно коробка конфет на именины. С исподу образа химическим карандашом императрица вывела

свое имя с именами дочерей, ниже расписалась Вырубова; вокруг перечня имен рамкой разместились слова: ТВОИ – СПАСИ – НАС – И ПОМИЛУЙ. Снова начался митинг. Ораторы взбились на крышку гроба, как на трибуну, и говорили о том, какая страшная звериная силища лежит вот здесь, попранная ими, но теперь они, граждане свободной России, смело топчут эту нечисть, которая никогда не воспрянет...

А в Таврическом дворце совещались министры.

– Это немыслимо! – фыркал Родзянко. – Если рабочие столицы узнают, что солдаты притащили Распутина, могут произойти нежелательные эксцессы. Александр Федорыч, а ваше мнение?

– Надо, – отвечал Керенский, – задержать манифестацию с трупом на Забалканском проспекте. Предлагаю: отнять гроб силой и тайно закопать его на кладбище Новодевичьего монастыря...

Вечером возле царскосельского вокзала Г. В. Елин остановил грузовик, спешащий в Петроград, солдаты водрузили Распутина в кузов автомобиля – и понеслись, только держи шапки!

– Вот уж чего я только не возил, – признался шофер. – И китайскую мебель, и бразильское какао, и даже елочные игрушки, но чтобы везти покойника... да еще Распутина! – такого со мной еще не бывало. Кстати, а куда вам надо, ребята?

– Да мы и сами не знаем. Ты, милоч, куды правишь?

– В гараж. Мой «бенц» придворного ведомства.

– Вези и нас туды. Утро вечера мудренее...

Грузовик с гробом Распутина въехал в гараж министерства двора, и тут заночевали по соседству с роскошными свадебными каретами царей. Временное правительство на рассвете узнало, что гроб с телом Распутина уже начал колесить по улицам и проспектам, словно солдаты еще не решили, как с ним поступить, и это беспокоило министров. Родзянко, вторые сутки не спавший, нехотя жевал бутерброд с черствым сыром, мрачно ругался:

– Сколько мне возни было с этим Гришкой, пока он щеголял тут живым, так теперь и отдохлого нет покою. Звоните же куда-нибудь! Выясняйте. Надо что-то делать с этим поганцем!

Невский, дом № 100 – штаб броневых сил Петрограда; полковник Антоновский называл в Михайловский манеж:

– Второму дивизиону поручика Келлера выдать магнето, и пусть заводят моторы. Выезжать из манежа на первой скорости. Маршрут: Выборгское шоссе – в сторону Парголова.

– А что там стряслось, господин полковник?

– Стало известно, что Распутина повезли именно в этом направлении. Все трамваи города уже изменили маршруты – толпы народу едут в Парголово, туда бегут все кому не лень, будто Федя Шалапин в ударе и дает там бесплатный концерт...

Между дачными станциями Шувалово и Ланская броневики включились в оцепление, дабы сдерживать петербуржцев, нахлынувших сюда, как на праздник. В наведении порядка броневикам помогали низкорослые волынцы и казаки Сводного гвардейского полка. Внутри большого заснеженного поля закурился едучий дымок, потом пламя полыхнуло выше. Скоро язык костра, со свистом коптящий, казалось, коснется низко летящих облаков. Трескуче названная, с Поклонной горы уже летела в низину выборгская пожарная команда; перед красными, как огонь, повозками, перед первобытной яростью долгогривых пегих коней народ заранее разбежался в стороны... Решено было казнить Распутина именно здесь!

С гроба сбили тяжелую крышку, и перед людьми предстал долговязый мужик в вельветовых портках, в рубахе из тканого серебра. Пахло от Распутина приторно-сладко, но покойнический дух забивал тончайший аромат благовоний, которыми его обильно умастила царица, а

все раны на теле Распутина были искусно зашпаклеваны душистыми смолами. Всех особенно поразило, что впалые щеки Распутина были густейше нарумянены, а губы даже подкрашены. Сейчас он напоминал фараона дикой древности, извлеченного из лабиринтов загадочных пирамид... Вокруг топали валенками.

– Вот он какой! – кричали вразброд.

– Хоронили-то по первому разряду.

– Это верно... не как пса! Берегли...

А костер уже распылался так, что вокруг него оплавился снег. Пора извлекать мертвеца из гроба, однако охотников братья за него руками не нашлось. Пробовали зацепить Распутина крючьями, но Гришка вдруг начал расползаться, будто мокрое мыло. Тогда брендмайор, мужчина решительный, гаркнул:

– А чего мучиться? Гроб ему – вместо сковородки. Становь в духовку! Изжарим так, чтобы на зубах хрустел, язва!

Бесстрашные пожарные прислонили к поленнице костра два наклонных бревна, соорудив подобие аппарели, гроб с Распутиным был водружен на эти бревна, словно вагон на рельсы. Работая длинными баграми, солдаты толкали Распутина в самое пекло огня. Под влиянием жара труп начал корчиться, и Распутин вдруг... сел. Сел, и глаза у него стали... открываться! Гроб с треском плавился под ним, стекая в огонь каплями свинца и цинка. Брендмайор глянул на свои прожженные рукавицы, сказал:

– Горит, будто в аду. Приходи, кума, любоваться!

Сожжение продолжалось 10 часов подряд. К ночи пламя пошло на убыль, медленно меркли раскаленные угли. Дул сильный холодный ветер, разнося над толпою коптящий дым, однако народ не расходился. Ступая по жирному горячему пеплу, солдаты внимательно исследовали место казни. Вывод их был утешителен:

– Сгорел как свечка, и даже фитилька не осталось...

Всю землю вокруг костра перекопали лопатами, и никто бы не догадался, что здесь был казнен Распутин. А через несколько дней дотошные газетчики установили, что по странному капризу судьбы Распутин был предан казни как раз на том месте, где накануне рабочими-выборжцами была сожжена дотла роскошная вилла врача-шарлатана Джамсарана Бадмаева; история иногда словно подшучивает над людьми – пепел Гришки Распутина оказался перемешан с золою тайного притона, где он много лет пил и гулял, где он обдумывал свои черные планы. А потом сюда, на это ровное поле, повадились приезжать таинственные дамы, закрывая вуалями холеные породистые лица. Они торопливо собирали в сумочки землю пополам с пеплом и снегом, крестились, целуя ее, и уходили прочь – до ближайшей остановки кольцевого трамвая...

Окольными путями такая же горсть земли дошла и до бывшей императрицы, которая «впала в состояние анемии, потеряв способность не только передвигаться, но лишилась и дара речи. Болезнь на сей раз осложнилась параличом конечностей, и ее приходилось кормить, т. к. она не в состоянии была удержать в руках даже салфетку». Приступ неврастения сменился мрачной и тупой меланхолией. Императрица целыми, днями, безучастная ко всему на свете, просиживала в креслах, часто плача. На вопросы мужа она мычала, отвечая лишь слабым подергиванием плеч. Потом (что закономерно для этой женщины!) ее навестила острая форма мании преследования. Среди глубокой ночи дворец огласился дичайшим воплем, от которого даже бывалым солдатам стало не по себе:

– Он жив... Григорий опять со мною!

Николай II уговаривал жену успокоиться:

– Аликс, не кричи так. Неудобно перед охраной...

Вся колотясь, она рассказывала ему:

– Сейчас он навестил меня. Боже, в каком виде! Борода и волосы обгорели, Григорий с трудом передвигался на обожженных пятках... Он не сгорел! Укрываясь за плотным дымом, святой мученик выбрался из гроба... И знаешь, что он сказал мне?

– Что, милая Аликс?

– Нагнись, Ники, ко мне. Я шепну его слова...

Бывший император склонился над бывшей императрицей.

– Он сказал, чтобы мы скорее бежали. Надо бросить здесь все, даже детей, и... бежать, бежать! Англия, он сказал, не примет нас, а Керенский обманет. Бежать надо в Германию, у нас сейчас последняя надежда – на кузена-кайзера и на его могучую армию!

«Мне уютно в этой мрачной и одинокой бездне, имя которой – Петербург... Куда ты несешься, жизнь? Ото дня, от белой ночи – возбуждение, как от вина». Худущий, нелюдимый солдат в длинной шинели бродил по городу, размышляя о революции – неукротимой, как набег скифской конницы на чужеплеменные шатры.

Он забыл свои стихи и вспоминал тютчевские:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...

Столичные барышни вряд ли узнали бы теперь в этом солдате кумира их первой любви – Александра Блока! Нет, уже не стихи о Прекрасной Даме замышлял он на распутье ветров, где еще вчера старая цыганка дала ему поцеловать свою руку, всю в кольцах и перстнях. Теперь в нем – уже в зрелости – зарождалась книга о последних днях царской империи.

Да, скифы мы, да, азиаты мы
С раскосыми и жадными очами...

.....

Запирайте этажи —
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

На скользком мосту, при зыбком свете фонаря, Блок записывал самое откровенное, самое наболевшее: «Что-то нервы притупились от виденного и слышанного. Опущусь – и сейчас же поднимается этот сидящий во мне Распутин... Все, все они – живые, и убитые дети моего века – сидят во мне. Сколько, сколько их!»

А на углу Офицерской и Лермонтовского мальчишки-газетчики звонко расторговывали народные лубки – последний шедевр подпольной литературы – «АКАФИСТ ГРИГОРИЮ РАСПУТИНУ»:

...Мы, Григорий Первый и Последний, конокрад и бывший Самодержец Всероссийский, Царь банный и Великий Князь драный и проч., объявляем всем нашим распутинцам, министрам, ворам-карманникам, жандармам-охранникам и прочей нашей сволочи: пребываем сейчас в аду и каждый день с Сатанинского благословения в баньке паримся... Дано в аду в день сороковой Нашей Собачьей Кончины. На подлинном верно Собственным Его Скотского Величества задним копытом наляпано —

Гришка,

а скрепил подпись адский секретарь барон фон Фридрихераус!

Часть первая. Помазанники Божии (1880-е годы – осень 1905-го)

Конечно, мы ни на секунду не отступим от нашей марксистской философии, истории, мы знаем, что всякая личность, в том числе и личность монарха, закономерна. Но мы все-таки вряд ли предполагали все то количество глупости и подлости, которое наделали на своих тронах эти господа.

А. В. Луначарский

Прелюдия. 1. Гатчинские затворники. 2. Сущий младенец Ники. 3. Гессенская муха. 4. Воспитательное путешествие. 5. Колесо истории. 6. Скандал в Ливадии. 7. Нечистая сила. 8. Житие царя тишайшего. 9. Первые призраки. 10. Звериный рык. 11. Явление мессии. 12. Чудо без чудес. 13. Бесстыжий апостол. 14. Парламент на крови. Финал.

Прелюдия к первой части

Давно это было... На почтовом тракте, что стелился от Саратова в степи заволжские, служил в ямщиках мужик – прозванием Ефим Вилкин; небогато жил, ибо крепко запивал по трактирам дорожным. Сберется в «гоньбу» – честь честью, как положено, месяц или два нет его дома, а потом явился кормилец – все уже пропито и даже шапку с рукавицами посеял в дороге.

Завоет тут жена, заревут дети. Ефим тоже убивается:

– Пелагеюшка, не гневайся. Детки, не судите свою батюшку. Едешь-едешь, а тут – глядь – кабак. Как не зайти? Как не погреться? Опять же, щец похлевать охота. Ай-ай, во грех-то где! Попутал окаянный. Спаси и помилуй нас, царица-небесная...

Так и бедствовали. Но однажды отвозил Ефим Вилкин земскую почту на лошадях казенных. И столь упился на станции Снежино, что даже не заметил, как выпрягли коренника из оглобель, а люди вороватые на растопку печей и самоваров всю почту в клочки разнесли... Дело подсудное! Вилкина усадили в острог губернский, где он и казнился совестью. Уж как он плакал там, как он каялся – нет, не отпустили его до дому.

– Сиди! – было сказано, и сидел, коли велят.

Семья его за это время совсем обнищала. Жена нанималась к мещанам потолки белить, старший сын Лаврушка мыл коляски для господ проезжих; дома еще два рта разевались – Марьюшка, падучей страдавшая, да Гришенька, который с печи не слезал. Через год явился Ефим Вилкин, все иконы в избе перецеловал:

– Заручаюсь пред богом – винца в рот боле не возьму!

И слово сдержал – пить бросил. Однако, хотя и был Вилкин отныне тих, аки ангел, на почтовую гоньбу его не брали. Попробовал было при купцах устроиться – делать, что ни прикажут, но купцы иметь Ефима в услужении не пожелали. «Ты ж в остроге сиживал», – говорили ему... Вилкины вконец обхудились.

– Христа ради побираться надоть, – горевал Ефим.

Но тут повезло. По губернии Саратовской объявили призыв к малоземельным мужикам, чтобы искали счастья на просторах сибирских, где жирная земля издревле лежит втуне, еще девственна, плугом не тронута... Вилкин сказал своей Пелагее:

– Ну, мать, выбирай: в Сибирь али башкой в прорубь...

Продали они домишко, перецеловались с родней, покидая ее на веки вечные, и покатали на восток, сидя на телеге поверх жалкого скарба. Переселенцев размещали в 80 верстах от Тюмени, на новых целинных землях, отчего сибиряки Ефима Вилкина прозвали на свой лад – «Новым»; по местному обычаю, дети Ефима именовались уже Новых, – так зародилась совсем другая фамилия, противу которой Вилкин не возражал: «За новой жизнью приехали – вот и поновились!» Скоро в тайге выросло молодое село, которое – по церкви – назвали Покровским, а покровские мужики выделяли Ефима как умевшего подписываться, как много повидавшего.

– Башка! – говорили они. – Энтот всем носы утрет...

За трезвость похвальную выбрали Ефима сначала в церковные старосты. А когда Покровское с окрестными выселками преобразовали в волость, Ефима Новых провели в волостные старшины. Далеким сном казались теперь мужику синие выюги на заволжских трактах. Ефим картуз заимел, стал чайком из самовара баловаться. И даже дерзостно помышлял к старости кровать купить:

– С шарами... А шары чтоб сверкали, ядрена вошь!

Но даже во дни табельные, во дни значительные от водки он взоры свои геройски отвращал, говоря с немалым достоинством:

– Рад бы уважить, но потребить не могу. Потому как всю пайку винища, свыше мне господом отпущенную, уже восприял, по-божески, а ныне угощаться даже задарма не рыскну... Увольте, люди!

И дома у Новых – достаток, у каждого по тулупу и валенкам. Все трудились. Один лишь Гришка зимами на печи лежал, а по весне вытаскивал кислые овчины под плетень, дрыхнул на солнцепеке. Среди крестьянских детей выделялся он крайней нечистоплотностью, отчего его на селе иначе, как «сопляком», и не звали. Поначалу-то, дабы вразумить сыночка, Ефим немало вожжей об него измусолил. Но к труду приохотить не мог – и отступился:

– Пушай уж валяется... падаль. Слава те, хосподи, нонеча мы не бедные. Одно-то лодыря как-нибудь прокормим.

Вдруг начала помирать Пелагея, и Ефим велел Лаврентию скакать верхом по округе, дабы найти добрую знахарку. Сын вернулся домой, когда мать уже на столе лежала, и сам свалился на лавку. Разгорячась, гнал он лошадь, на ветру ознобился – в сорок дён скрутила парня злая чахотка. Два могильных холма не успели еще травой порастить, как случилась новая беда. Пошла как-то Марья стирать на речку, нагнулась над водой, чтобы порты батькины прополоскать, тут девку схватило в корчах – и бултых в воду! Под праздник светлого воскресения Ефим Новых разговелся в церкви и объявил односельчанам:

– Видать, не угодил я богу. Теперича рыскну...

И – запил! Начал разорять хозяйство с телеги, а кончил тем, что даже иконы пропил. Осталась голая изба, вся в паутине. Град выбил стекла в окошках, Гришка кое-как заткнул их старыми валенками. Ефима лишили звания церковного старосты, а губернатор не стал держать его в волостных старшинах. Земля опустела – отец пьяный да сын ленивый, разве они зерно бросят в землю? Чтобы не возиться с нею, разом пропил Ефим и землю – аж до самого плетня, что ограждал его дом от забытой пашни. Потом и плетень обменял за два штофа... Сам пил, угощал и сынка родимого:

– Пей, Гришуня, да поговори со мной. Скушно мне!

Гришка подрастал в звериной молчаливости. В ту пору, когда он водки попробовал, было ему годков пятнадцать, не больше. Вырос костлявым, мокрогубым, бессловесным, рано полезла из него мужская растительность. В один из дней, мучимый с похмелья, Ефим стащил с соседского забора цветной половик из тряпок, отнес его в кабак. В необъятных анналах истории по этому поводу сказано: «Крестьяне порешили бывшего своего кумира собственным мужицким судом: ворвались в избу к нему, поочередно избивая Ефима, переломав ему все ребра сразу, так что он вздохнуть не мог и потерял сознание». Из уезда приехал фельдшер, велел доставить избитого в больницу – до города. Покровские мужики лошадь с телегой дали, но ехать до Тюмени не пожелали:

– Пушай Гришка и отвозит, он же сыном ему доводится, а мы Ефиму не родня. А коль помрет Ефим... ну-к, што с того? С кем того не бывает? И все померем... Эка невидаль!

Сын отвез полумертвого отца до Тюмени, и всю долгую дорогу, бултыхаясь в соломе, тот поминал свою мечту о кровати:

– Не повезло. Видать, не леживать мягко под шарами...

Гришка в больнице так и остался. Жил под лестницей, кормился объедками от больных. А врачи подростка заметили:

– Эй, малый! Не крутись без толку. Ступай в палату и за сидельца будь. Да приучись руки-то с мылом мыть...

Среди тюменских врачей немало было тогда и сосланных студентов, вечно движимых лучшими побуждениями. От них Гришка кое-как постиг грамоту, научился читать вывески на трактирах. Любил он, когда стихнет в больнице, приткнуться в уголку и слушать умные речи. Мудростью не проникся, но кое-что из радикальных суждений все-таки запало в душу. Был он, однако, сонлив и ленив, труда избегал, в повадках нерасторопен.

– Сиделец, – истошно звали его из палаты, – тащи судно скорей! Или сам не видишь, что человек под себя нуждается!

Таскать горшки из-под хворых – работа, вестимо, не из самых веселых. Но зато (будем справедливы) в больнице тепло и сытно, никто Гришку не обижал, мог бы он годков через пять и в санитары выбиться. Но тут лукавый попутал – стащил Гришка узелок с деньгами, что остался лежать под подушкой умершего...

Врачи вышибли его из больницы на улицу!

Долго скитался парень, бездомный, подворовывая где мог, потом перебрался в губернский Тобольск. Муза истории, божественная Клио, временно потеряла его из виду, а через несколько лет она обнаружила Гришку половым в трактире по названию «Не рыдай». В трактире этом с утра до ночи только и слышалось:

– Гришка, самовар благородным клиентам оттащи.

– Чичас! Вот тока пьяного вышибу.

– Девицу Цветкову провести до купца Ужаснова.

– Моментом! Эй, Дашка, пошли.

– Гришка, дюжину пива господам извозчикам.

– Сей секунд! Тока вот блевотину подотру...

«Не рыдай» был такой славы, что добрых людей туда на аркане не затащишь. Но в Тобольске считался самым веселым местом, где можно и себя показать, и на людей посмотреть. Опять же Гришке здорово повезло: водки этой самой – хоть залейся! После гостей в рюмках столько недопито, что к вечеру сам едва на ногах стоишь. Пьяницы, они ведь балованы – вилкой закусточку сверху ковырнут, а далее больше разговаривают. И сыт и пьян Гришка!

Но однажды пришли в трактир двое. На диво трезвые. Одеты суконно. В сапогах со скрипом на высоком московском ранте. И вели себя вполне осмысленно: гоняли чай с конфеткой вприкуску, глазами по сторонам бдительно зыркая. Присмотрелись они, что за люди вокруг, и один из них властно поманил Григория пальцем:

– Эй, носатый, подь сюды... Да не бойсь – спросить хотим. Не знаешь ли, кака кобыла дешевле – куплена али крадена?

– Гг-гы-гы! Всяк знает, что крадена дешевле.

– Уверен? – спросили его. – Тогда пошли с нами...

Гришку закружило в лихой и опасной жизни, в которой – ни кола, ни двора, сегодня не ведал он, будет ли жив завтра. Заматерел, заволосател. Конокрад деревенский – всеми палками битый, мрачный и страшный... С богатой выручки на ярмарках плясал он по трактирам в рубахе, расшитой васильками, висли на его жилистой шее развеселые бабы-солдатки:

– Ох, и Гришка! Сокол ты наш разлюбезный... жги!

Как раз о ту пору прогремел на Москве судебный процесс – судили всю деревню, от мала до велика. Мужики, бабы и дети линчевали конокрада дрекольем. Экспертиза установила, что у конокрада были разорваны шейные позвонки, отчего он – по всем правилам! – должен бы умереть на месте. Однако вор доказал, что наука способна ошибаться. Замертво рухнув, конокрад вдруг воспрянул от земли и пулей влетел в деревенский кабак. Там он хлестанул косушку водки, закусил шматом жирной ветчины с хлебом, после чего покорился выводам медицины и умер на пороге, не расплатившись за выпивку и закуску... Путаная русская жизнь породила особых людей с философией проще лаптя лыкового: «Краденая кобыла дешевле купленной!» В конокрады шли мужики, безжалостные к людскому горю, двужильные здоровьем, заранее готовые выносить побои от целой деревни. Конокрад невольно становился отщепенцем народа и с каждой украденной лошадей отходил от крестьянского мира все дальше, вставая не только

против закона, но и делаясь врагом своего народа, который он – враждуя с ним! – учился презирать. И носили они сапоги со скрипом, рубахи шелковые, ножички за голенищами, а в глазах у конокрадов было что-то дикое и озорное, было что-то бесовское.

Их боялись мужики, но зато как любили бабы!

...А теперь, читатель, мы отправимся в Гатчину.

1. Гатчинские затворники

Сто лет назад Гатчинский замок казался столь же несуразен и дик, как и сегодня. Каркали вороны в старинном парке. Вечерняя метель заносила тропинки... В тесной комнате замка, заставленной неуклюжей мебелью, ворочался, словно медведь в посудной лавке, громадный дядька с бородой, из-под которой проглядывало плоское лицо калмыцкого типа. Вот он протиснулся к столу, что-то начал писать – и перо кажется ничтожным в его большущей лапе с красными, будто ошпаренными кипятком, пальцами. Дверь в соседнюю комнату чуть приоткрыта, и время от времени жена заглядывает в кабинет мужа. Пока все идет как надо: муж вершит делами государства, а она... она штопает его носки.

Речь идет об императоре Александре III.

Это – тип! Грубый и нетерпимый, зато яркий и выразительный. Не анекдот, что боцмана Балтийского флота учились материться у этого императора; на флоте даже бытовало выражение «обложить по-александровски». На докладе министра просвещения он наложил историческую резолюцию: «Прекращай ты это образование!» Вся жизнь его глодала забота обставить свой быт как можно скромнее. Обожал крохотные комнатенки и низкие потолки. Став императором, из Аничкова дворца перебрался в Гатчинский замок, где безжалостно распихал семью по клетушкам лакейских антресолей.

– Даже рояля негде поставить, – жаловалась императрица.

– Но зато, Мари, еще есть место для пианино... Когда приехала гостить греческая королева Ольга, спать ее положили в большую ванну. Хорошо, что женщина была бедовая, с чувством юмора, а другая бы обиделась. Александр III таскал мундир, сопревший по швам; быстро полнея, он велел портным расставить рейтузы, чтобы в них вшили клинья. В крайности всегда есть доля безобразия. Императрица как-то получила фотографии от датских родственников, показывая их мужу, она просила:

– Сашка, можно я закажу для них дешевые рамочки?

– Ах, Мари! Тебе бы только деньги на пустяки тратить...

Фотографии королей и принцев пришили на стенках канцелярскими кнопками, будто в казарме. Штаны его величества неприлично лоснились сзади, вытертые от прилежного сидения. Сколько бы ни навалили бумаг министры, император корпел над ними до глубокой ночи, считая себя обязанным изучить каждую бумажку. Недостаток образования царь восполнял примерным усердием, словно мелкотравчатый чиновничек, не теряющий надежд когда-нибудь выбиться в люди. Дело в том, что к роли самодержца его никто не готовил, и смолodu Александр бесцельно толкался в передних отца, не всегда трезвый. В цари готовили его брата Николая, на которого и проливалась вся земная благодать. Профессура вкладывала в него массу знаний, на Николая текли меды и сливки, ему сыскали самую красивую невесту в Европе. Но в 1865 году Николай скончался от излишеств, и права престолонаследования механически перенесли на Александра; с титулом цесаревича он унаследовал и невесту покойного брата – принцессу Дагмару Датскую, которая в крещении стала зваться Марией Федоровной...

Вот сейчас она сидит в соседней комнате и – мешает ему! Как раз пришло время хватить гвардейский «тычок» без закуски, а Машка торчит там и подсматривает, как бы муженек не выпил чего-либо. Отложив перо, император подкрадывается к буфету. Без скрипа отворяются дверцы, заранее (какое гениальное предвидение!) смазанные. Вот и вожделенный графин. Засим следует легкое, давно обдуманное наклонение его над рюмкой.

Но раздается предательское – буль-буль-буль.

В дверях уже стоит жена со старым носком в руках.

– Ах, Сашка, Сашка, – говорит она с укоризной. – Зачем ты хочешь обмануть свою старую Мари? Ведь тебе нельзя пить...

Александр III, шумно вздыхая, снова берется за дела великой и могучей империи. Правда, у самодержца прибережен один вариант в запасе. Вдруг он встает, бодро направляясь к дверям.

– Сашка, ты куда? – окликает его жена.

В ответ следует патетическое признание мужа:

– Ах, милая Мари! Не отнимай у меня хоть одно право – побывать там, куда и цари ходят своими ногами...

Теперь, когда лучезарная свобода на миг обретена, скорее вниз – в подвалы замка, где денно и ночно работает царская кухня. Здесь появление императора никого не удивляет: привыкли!

– Василь Федорыч, скорей подавай «дежурного»...

Ему вручают ковш с водкой. Сладостно зажмурившись, царь осушает его до дна. Отовсюду слышны советы поваров:

– Ваше величество, закусите... нельзя же так!

– Некогда, братцы. А за поддержку – царское вам спасибо...

Опьянение у него выражалось в одной привычке, которой он не изменял смолоду. Император ложился спиной на пол и начинал хватать за ноги проходящих людей, слегка и игриво их покусывая. В таких случаях камер-лакеи звали царицу. «Сашка, – говорила она, – сейчас же спать... Ты пьян!» И самодержец всея Руси, Большая и Малья, Белья и Прочая, не шумствуя (и не стараясь доказать, что он трезвый), самым покорнейшим образом убирался в спальню. Гатчинский замок, и без того угрюмый, становился во мраке словно заколдован; в ночи гулко цокали копытами лошадей лейб-казачьи разъезды... Петербуржцы называли царя «гатчинским затворником», а европейская пресса – «пленником революции». Этот самодержец с тяжелым воловьим взором иногда умел и ошарашить Европу! В острый момент политического кризиса, когда многие страны искали поддержки у России, он провозглашал тост: «Пью за здоровье моего единственного друга, короля Черногории, а иных друзей у России пока что нет». Но подобные выкрутасы не были пустозвонством. Царь был уверен в несокрушимой мощи своего государства, и, выпивая чарку за здоровье южных славян, напускал похмельную икоту на Габсбургов. Военный авторитет России стоял тогда очень высоко, и Европа смиренно выжидала, что скажут на берегах Невы...

– А пока русский император изволит ловить рыбку, – говорил Александр III, закидывая удочку в мутные гатчинские пруды, – Европа может и потерпеть. Ничего с ней не случится!

Ему повезло – он любил жену (редчайший случай в династии Романовых!). В окружении дядей и братьев, среди которых процветали самые гнусные формы разврата, Александр III сумел сохранить здоровое мужское нутро. Говорили, что царь вообще однолюб. В дневнике он заполнил страницу непорочным описанием своей первой брачной ночи. И – никаких оргий! Страшный пьяница, он не устраивал гомерических попок, а надирался втихомолку. Начальник его охраны, генерал Петр Черевин, по совместительству исполнял должность и царского собутыльника... Поэты демократического лагеря даже восхваляли императора за явную скромность:

Матку-правду говоря, гатчинский затворник
Очень плох в роли царя, но зато не ёрник.
Хоть умом и не горазд, но не азиатец —
Не великий педераст, как Сережа-братец.

Мария Федоровна до старости была неутомимой танцовкой. Император сидел на балах в уголочке, издали наблюдая, как веселится красивая жена, и, не видя конца ее пляскам, он потихоньку выкручивал «пробки» – дворец погружался во мрак. Женщина с большой волей и выдержкой, Мария сумела подобрать отмычки к сердцу грубияна-мужа. Вполне счастливая в браке, она произвела на свет трех сыновей – Николая, Георгия и Михаила (Ники, Жоржа и Мишку). Старшего царь порол как сидорову козу, среднего поднимал за уши, показывая ему Кронштадт на седьмом небе, а младшего... младшего он и пальцем не тронул, хотя частенько грозился:

– Мишка, ты не шали, иначе я дам тебе дёру!

Мария Федоровна приехала в Россию, везя в своем багаже запасы лютейшей ненависти к бисмарковской Германии, и этих запасов хватило на всю ее долгую жизнь. Она страдала за свою маленькую отчизну, на которую в 1864 году напали немцы, отнявшие Шлезвиг-Гольштейнию, и датская принцесса, став русской императрицей, уже никогда этого не простила. Под сильным влиянием жены Александр III мстительно затирал людей с немецкими фамилиями, двигая по «Табели о рангах» всяких Ивановых, Петровых и Николаевых. Настала пора бурной русификации всего чужеродного, что было усвоено прежними императорами. Вдруг исчезли усы и бакенбарды. Подражая неприхотливому властелину, генералы и министры России буйно зарастали густопсовыми бородами. Чем пышнее была растительность, тем больше было шансов выказаться отчаянным патриотом. На русский же лад заново переобмундировали и армию. Солдат при Александре III получил удобную и легкую гимнастерку. Офицерский корпус принарядили в шаровары и сапоги бутылками, появились высокие мерлушковые папахи генералов и шинели упрощенного образца с двумя рядами пуговиц... Перед нами исторический парадокс: сын и внук германофилов стал отчаянным русофилом!

А жена не уставала нашептывать ему слова ненависти к жаждущей добычи Германии. Тактично оставаясь в тени престола, она настойчиво подталкивала мужа в объятия поверженной Франции, которая была готова на все – лишь бы иметь Россию в друзьях. И вот русские броненосцы отшвартовались в Тулоне; матросы вернулись в Кронштадт, имея на запястьях массивные браслеты из чистого золота, – так пылкие француженки передали оригинальный привет русскому флоту. Усиленно ковалась новая ось ПАРИЖ – ПЕТЕРБУРГ, безжалостно пронизывающая сердце Германии! Франция устраивала шумные «русские базары», где нарасхват шли тульские самовары, тряпичные матрешки, всякие там ваньки-встаньки, игрушки-дергалки, в которых два медведя усердно кузнечили молотками по наковальне. Парижане жадно скупали иконы, вышивки, кружева, меха Сибири и оренбургские платки, проскальзывавшие в самое узкое кольцо... Петербург не спеша разворачивался на фарватер незнакомой для России политики: от Берлина – к Парижу! Правда, при встрече французской эскадры случилось быть немалому конфузу. Сможет ли Александр III обнажить голову, чтобы с благодатным вниманием прослушать «Марсельезу», зовущую к восстанию против деспотов?.. Минута была критическая. Рядом с массивной глыбой императора на мостике «Александрии» колыхалась стройная фигура жены, затянутой в серую чешуйчатую парчу. Она вдруг что-то резко сказала, и царь-деспот покорно стащил с головы фуражку.

– Пусть оркестры не стесняются, – сказал он. – Я ведь не композитор, чтобы сочинять для французов новые гимны...

На эскадре приплыли в Петербург республиканские министры, спешившие закрепить союз, который позже переплавится в тройственную Антанту. Под жерлами путиловских пушек накрывали столы для банкета. Орудийные салюты русских броненосцев созывали гостей к завтраку. Корабельные оркестры играли попеременно – то «К оружию, граждане!», то «Боже, царя храни!». Мария Федоровна, прежде чем проследовать к столу, все же успела шепнуть мужу:

– Сашка, умоляю – не напейся. Не ставь себя и меня в неловкое положение. Здесь тебе не Гатчина, и если ляжешь на палубу, кусая республиканцев за ноги, они тебя просто не поймут!

Когда Ники станет императором Николаем II, политическое наследство отца будет виснуть на его ноге тяжелою гирей.

2. Сущий младенец Ники

Но иногда (по старой дружбе) германские эскадры, пачкая дымом балтийские рассветы, заворачивали к Петербургу. Вильгельм II обожал демонстрировать возросшую мощь своего флота. «Вилли производит впечатление человека дурно воспитанного, – говорил Александр III. – Не мое это дело, но, будь он моим сыном, я бы порол его с утра до ночи!» Кайзер отзывался о русском императоре с не меньшей злобой: «Это просто дикарь, считающий себя неуязвимым за бастионами былой русской славы. Он не понимает, что Россия начала превращаться в большую кучу гнилой картошки...»

Германские крейсера бросали якоря вдали от Кронштадта.

Александр III спрашивал брата – генерал-адмирала:

– Алешка, чего эти фервлюхтеры там застряли?

– Вилли ждет, чтобы ты отдал ему первый визит.

– Пошли туда флотского флигель-адъютанта, и пусть он за шкуру притащит ко мне этого берлинского зазнайку...

Иной прием встречал Вильгельм II у наследника русского престола – цесаревича Николая; во время прогулок в Петергофе кайзер неизменно вставал от Ники по правому боку, чтобы цесаревич не замечал его левой руки, высохшей, как гороховый стручок, и обезображенной от рождения.

Николая кайзер подчинял, подавляя нещадно:

– Проклятье божие еще веками будет тяготеть над Францией. Ваш союз с республиканцами – это угроза святым монархическим принципам. Но если вы измазались в этом альянсе с лягушатниками, так хотя бы держи их в руках, чтобы не сели тебе на шею.

Вовсю шумели каскады и фонтаны, ликующая свежая вода дробилась на мириады брызг. Николай выглядел смущенно.

– Но так решил папа. А я ведь еще не император...

Кайзер четко впечатывал в песок каблуки своих кованых сапог с блямбами лейб-уланского полка на сверкающих голенищах.

– Я говорю с тобой как с кесарем... будущим! На твоём месте, владей я Россией, постарался бы забыть, что такая Европа вообще существует. Германия, дружественная тебе, своими силами способна переколотить все горшки на кухнях Парижа, Брюсселя и даже... в Лондоне! Твоя же страна чисто азиатская, русское будущее – на Востоке, и ты, Ники, должен с Востоком поспешить, пока туда не забрались известные в мире нахалы – англичане... Не забывай, – намекал Вилли, – что твоя прабабка была внучкой Фридриха Великого, кровь «старого Фрица» кипит в твоих жилах, как она кипит и в моих. Дай руку! Я неисправимый идеалист, и потому я слышу повелительный голос крови...

Очень важно для раскрытия человека изнутри знать: что он читал? Из газет Николай II всю жизнь прочитывал «Русский Инвалид», выходявший из типографии на ура-кричащих костылях. Обожал юмористические журналы с картинками, которые бережно собирал в подшивки, отдавая в конце года переплетать лучшим мастерам. Из писателей же пуше всех ценил Гоголя, ибо его шаржированные герои выглядели ублюдочно-идиотски. Николаю нравилось отражение русской жизни в кривом зеркале, его забавляло и тешило, что Гоголь видел в России только взяточников, мерзавцев, сутяг и жуликов, – понятно, что рядом с его нищими духом героями Николай II, конечно же, во многом выигрывал!

Жизнь наследника слагалась в замкнутом треугольнике: Гатчина – Копенгаген – Ливадия. Невнятным шепотком вельможи судачили, что Николаю на престоле не бывать, а бывать Михаилу. Симпатии матери тоже сосредоточились на младшем сыне. Однажды под окнами дворца вдруг грянул гимн, который исполнялся только при выходе императора. Выяснилось, что гимн велел сыграть в свою честь Мишка! Но и в этом геройском случае экзекуция любимца родителей ограничилась лишь грозным окриком царя:

– Мишка, ох, дожدهшься... ох, и выдеру же я тебя! Или ты не знаешь, что наследником твой брат Ники!

Александр III постоянно ворчал на жену, что она «испортила породу Романовых». Худосочие наследника вызывало тревогу родителей, из Германии вызвали знаменитого врача, который, осмотрев Ники, заявил отцу, что цесаревич будет здоров, когда прекратит предаваться тайному пороку. За это врач получил гонорар... хорошую оплеуху от самого императора! Ники с детства страдал сильными головными болями. Он не удался в родителей – ни красотой матери, ни отцовскою статью. Подрастая, цесаревич производил на окружающих странное впечатление. «Наполовину ребенок, наполовину мужчина, маленького роста, худощавый и незначительный... говорят, он упрям и проявляет удивительные легкомыслие и бесчувственность!» Повесить щенка на березе или прищемить в дверях беременную кошку было для Ники парой пустяков.

Визжат? Хотят жить?

– Интересно, как они подышают, – говорил Ники, смеясь.

Императрицу однажды навестил граф Шереметев.

– Вчера меня, – сообщил он, – посетил ваш сын с сестрою Ксенией. Я сам был молод и тоже, прости, господа, любил побеситься. Но... цесаревич ведет себя довольно-таки странно.

– Что он там еще натворил? – нахмурилась мать.

– Впрочем, ничего! Только носился по комнатам, все к чертям перевертывая. Играл в прятки. Прятки так прятки, – согласился Шереметев, огорченно вздыхая. – Но смею думать, что когда человеку с усами пошло уже на третий десяток жизни, мне кажется, что он мог бы проводить свои вечера более содержательно.

– Ах вот оно что! – рассмеялась царица-мать. – Но, милый граф, вы же сами знаете, что мой Ники еще сущий младенец.

Министр финансов Витте, видя, что молодой мужчина болтается без дела, хотел приобщить цесаревича к делам государства, но Александр III отвечал за это министру – честнейше:

– Сергей Юльевич, вы же сами видите, что мой сын растет оболтусом, каких еще поискать. Он запоздал в своем развитии...

А сил, чтобы развить в цесаревиче грамотного человека, было положено немало. Достаточно сказать, что химию ему преподавал славный Бекетов, композитор Кюи читал курс фортификации. Знаменитый умница Драгомиров, дававший наследнику уроки тактики, первым осознал всю тщету этих занятий.

– Не в коня корм! – заявил генерал сердито. – Сидеть на престоле годен, но стоять во главе России неспособен...

Николая пичкали науками до 22 лет, после чего он радостно отметил в дневнике, что отныне с образованием покончено – раз и навсегда! Дневнику он поверял и свои главные впечатления:

«Танцевали до упаду... Ужасная смерть Литца, которого разорвали собаки... Поехали на каток, покалечились... Изрядно нализались... Очень смеялся и забавлялся... Обед у кавалергардов. Венгерцы, песенники и цыгане... Обедали у Черевина; он, бедный, совершенно надрызгался... Был картофель и Ольга к чаю... Ко мне слишком приставала кн. Урусова (гречанка)... Я проиграл 9 руб., потом весело ужинал с песнями... Закусывали с подобающими винами и песнями... Поехал к Бергамаско и снялся с Татьяною в разных положениях... Целый день

возился с насморком. Закусывал по обыкновению... Закусывали у себя... Катался с Ксенией, хлыщил за девицами по набережной... Лежали на лужайке и пили... Опять пили... Пили и закусывали...»

Пользу из учения Николай взял только от англичанина Хетса, преподававшего ему английскую речь. Хетсу удалось привить цесаревичу отличное знание языка и любовь к спортивной ходьбе. Последним обстоятельством Ники явно гордился и буквально замучивал людей, рискнувших с ним прогуляться. Позже наследник самолично освоил процесс заготовки дров, и – надо признать! – чурбаки он колот вдохновенно. Многие тогда поражались, что образование цесаревича не превышает кругозора кавалерийского поручика. Зато военная служба его оживляла! Пребывание в лейб-гусарах, которыми командовал «дядя Николаша» (великий князь Николай Николаевич), увлекло наследника. Повальное пьянство здесь начиналось с утра, а к вечеру уже наблюдали зеленых чертей. Иногда гусарам казалось, что они совсем не люди, а... волки. Они раздевались донага и выбегали на улицу, залитую лунным светом. Голые, вставали на четвереньки, терлись носами и кусались. Задрав к небу безумные лица, громко и жалобно завывали. На крыльцо вытаскивали громадное корыто, которое доплна наливали водкой или шампанским. Лейб-гусарская стая лакала вино языками, визжала и грызлась... Очевидец таких сцен пишет: «Никто, быть может, не обращал внимания, что организм Николая уже начинал отравляться алкоголем: тон лица желтел, глаза нехорошо блестели, под ними образовывалась припухлость, свойственная привычным алкоголикам». Но еще страшнее оказалось воздействие на цесаревича другого его дяди, Сергея Александровича, который «протасил» племянника через угар великосветских притонов. Ежедневные вакханалии Ники с дядей-гомосексуалистом гремели тогда на весь Петербург, «и часто случалось, что гвардейские офицеры доставляли его домой в бесчувственно-пьяном виде». Чтобы оградить сына от излишеств, царица переговорила с мадам Мятлевой, у которой была разбитная дочка и четыре дачи по Петергофскому шоссе, стоившие 100 000 рублей. «А я вам за эти дачи уплачу триста тысяч, – сказала царица Мятлевой, – но вы должны закрыть глаза на поведение своей дочери... Что делать, если мой Ники нуждается в гигиенической прелюдии к браку!» Эта циничная спекуляция совершилась в 1888 году. «Ники еще сущий младенец», – уверяла всех царица-мать...

Отчасти она права: Николай порою вел себя как недоразвитый ребенок. Приникнув к решетке Аничкова сада, он часами следил за движением публики на Невском проспекте. В красочном разнообразии афиш и реклам катились конки и кареты, прохаживались военные, спешили курсистки и студенты, бодро шагали по своим делам осанистые жандармы. Если бы кто из них заметил в кустах чье-то незначительное лицо с усиками, то, конечно же, не мог бы подумать, что там – за решеткой! – торчит цесаревич, будущий император России, и с невольной завистью взирает на яркое оживление чужой для него толпы, которой он скоро может повелевать.

Белая мучнистая пыль нависла над плацами и лагерями русской гвардии. Маневренный сезон открыт... Между Петергофом и Царской Славянкой до поздней осени крутится и бьется, подражая настоящей битве, запутанный клубок мнимо враждующих полков. А по вечерам в зелени дачных садилов загораются лампы, из темени брызжут ухарские гитары улан, с треском вылетают пробки из бутылей с шампанским, от веранды к веранде шлепаются, таская в пылище пудовые юбки, загорелые ведьмы-цыганки: погадать бриллиантовому, наворожить яхонтовому... не надо ль?

Красное Село – жарко тут, душно. В стойлах хрумкали сено уставшие за день кони. Вальсы Штрауса неслись от курзала, кричали поезда на станции. Семейные полковники, встретив своих жен, уводили их в дачные кущи – под уютную сень домашних самоваров. Холостяки

фланировали по бульварам, а возле лагерного театра царила, как всегда, обычная сутолока любителей Терпсихоры. «Господа, – слышались голоса, – а это правда, что вечером танцует наша несравненная Малечка?..» «Малечка – так в кругах гвардии называли Кшесинскую. Сегодня она была в ударе. Великие князья Николай и Георгий, бисирующие ей из царской ложи, обтянутой фиолетовым бархатом, словно подогревали балерину. Белая полоска крупных и чистых зубов женщины обворожительно сверкала в потемках зрительного зала...

В антракте Жорж цинично сказал брату Ники:

– Бабец, конечно, лейб-гвардейский! Навестим-ка ее за кулисами и посмотрим, как она будет переодевать трико...

6 июля 1890 года Николай записал в дневнике: «Положительно Кшесинская меня очень занимает». Через несколько дней он повторил эту запись почти буквально: «Кшесинская мне положительно очень нравится». Великий князь Георгий, кажется, опередил своего брата, но цесаревича балерина тоже не отвергла... С той поры прошло много-много лет. Острые углы обкатала безжалостная река времени. С разумным тактом мы сумели отделить балерину от женщины. В нашей памяти уцелела большая и талантливая актриса. И все-таки, как ни старайся забыть дурное, Кшесинская останется для нас «роковой героиней». История знает, что почти все женщины, отмеченные подобным клеймом, как правило, были некрасивы. Вот и Малечка – крепко сбитая, с «пузырчатыми» мышцами ненормально коротких ног, невысокая и ладная, с осиной талией, а волосы темные... Даже придворные ненавидели эту «технически сильную, нравственно нахальную, циничную и наглую балерину, живущую одновременно с двумя великими князьями». Нет, она не ангел! И жила не как балерина: отчаянно кутила, ела и пила, что душе угодно, ночи напролет резалась в карты, огненные рысаки увозили ее в ночные шантаны. Беспутство не губило ее таланта, а бессонные ночи не портили внешности. Зато потом следовал жестокий режим, почти тюремный, и строжайшая диета. Кшесинская вставала к станку и работала так, что пот хлестал с нее струями. Она трудилась, шлифуя свой талант, словно одержимая. И только крах царизма затормозил эту удивительную карьеру – итальянский лайнер «Семирамида» увез ее от нас навсегда...

...Между тем пора бы уж цесаревичу и жениться!

3. Гессенская муха

Остроумцы прошлых времен говорили: Петр I прорубил окно в Европу, не догадываясь, что через это окно ползут в Россию всякие воры и негодяи. В это же легендарное окно залетела на Русь и гессенская муха – вредитель злаков, пожиривший побеги пшеницы. Эту муху распространили по миру солдаты из Гессена, которые вывезли ее со своим фуражом. Гессенская муха ежегодно уничтожала на полях России посевы хлебов и была злостным врагом мужиков. Однако речь пойдет о другой «мухе», более опасной и зловредной. Но каждая история имеет свою предысторию...

К тому времени, когда Ники стал женихом, рекорды по долголетию царствования побивала Виктория – королева Великобритании и Ирландии (она же императрица Индии). Англия уже отпраздновала золотой юбилей ее правления и готовилась отмечать бриллиантовый. Своим долгим веком высокомерная королева внесла в быт Европы новое историческое понятие – викторианство... Помните, наверное, что писала наша незабвенная Анна Ахматова:

А с Запада несло викторианским чванством,
Летели конфетти и подвывал канкан...

Понятно, что с высоты своего величия Виктория смело вершила браки своих дочерей. Старшая стала императрицей Германской, породив кайзера Вильгельма II (он открыто презирал свою маму за то, что в душе она оставалась англичанкой). Младшую дочь – Алису-Мод-Мэри – Виктория неосмотрительно выдала за герцога Людвига IV Гессен-Дармштадтского, и этот бурбон затиранил свою жену. Оскорбленная в браке, Алиса «испытала страсть к тюрингскому богослову-рационалисту Давиду Штраусу... глубокая тайна окутывает этот роман, но он сильно смутил женщину, и Алиса пережила ужасные потрясения», от которых вскорости, еще молодой женщиной, и умерла. Людвиг IV, овдовев, отбил жену у русского дипломата Колемина, введя блудницу во дворец гессенских герцогов. Дочери подрастали между молитвами и сценами разврата с мордобитием их папеньки от госпожи Колеминой. В 1884 году Людвиг IV привез в Россию старшую дочь Элли (Елизавету), выданную за царского брата Сергея Александровича; вскоре спихнул с рук и вторую дочь Ирену – за принца Генриха Прусского. Но уже подрастала младшая дочь – Алиса, и папаша зачастил в Петербург, прихватывая с собой и красивую девочку. Живя на хлебах русского зятя, Людвиг IV с непонятным упорством трижды в сутки обходил все окраины Петербурга; ни музеи, ни театры, ни библиотеки его не интересовали, – вечно пьяного дурака тянуло лишь в шалманы задворок русской столицы, где шумно пировали воры, извозчики и дворники. Герцог был законченный обалдуй «со старательно улыбающимися глазами и полной готовностью расхотаться даже от рассказа о похоронах, дабы таким дешевым способом снискать популярность».

После скудного рациона Дармштадта, где гессенские принцессы чинно и благонаравно хлебали вчерашний суп, Алиса с тихим ужасом наблюдала, как русские князья при игре в картишки, ленясь считать деньги, ставили золото «внасыпку» – стаканами! В 1889 году она целых шесть недель гостила у сестры Элли; подле своего беспутного папеньки Алиса очень много теряла во мнении русских и, кажется, сама понимала это. Принцесса была на голову выше Николая, отчего неказистый цесаревич стыдился подходить к ней, всегда испытывая робость перед рослыми людьми. Николая ужасно коробило, что придворные окрестили Алису «гессенской мухой»... Александр III, сам рожденный от гессенской матери, никаких симпатий к ее

сородичам не испытывал (он даже ликвидировал в Дармштадте русское посольство!). И сейчас в Гатчине отлично понимали, зачем таскается в Петербург сам и таскает за собой дочку этот гессенский обормот. «Ники наш слабоволен, – сказала мать, – и я бы не хотела, чтобы он потом всю жизнь страдал под германским каблуком». Вопрос был решен за спиной Николая, который уже придумал невесте нежное имя – Аликс (нечто среднее между немецким «Алиса» и русским «Александра»). Однажды в Петергофе, когда отец подобрел от легкого подпития, сын рискнул завести разговор о возможной женитьбе на Алисе.

– Гессенская муха жужжит напрасно, – ответил отец. – У меня такое ощущение, что у этих гессенцев из Дармштадта много всего в штанах и очень мало чего под шляпами! Алиса же только тем и хороша, что имеет высокий рост и этим – да, согласен! – могла бы исправить твою испорченную породу...

При дворе сразу заметили, куда подул ветер, и сановники империи с их женами, еще вчера низко льстящие Алисе как возможной избраннице, теперь демонстративно отвернулись от нее. Перед самым отъездом принцесса была звана на придворный бал, но кавалера для нее уже не нашлось. Подавленная таким открытым невниманием, Алиса скромно жалась в стороне от танцующих, когда перед нею предстал молодой свитский полковник Орлов и тут же насквозь пронзил сердце «гессенской мухи» малиновым звоном отчаянных шпор... Таких красавцев Алиса еще не встречала! Александр Афиногенович Орлов с его стройной фигурой, с матовой кожей лица, с глазами-маслинами, – именно он, бравируя своей дерзостью, стал для нее прекрасным кавалером. Об этом человеке следует писать до конца: заядлый наркоман, поглощавший коньяк и опиум, шампанское и кокаин, водку и морфий, Орлов был еще и мистиком с особым взглядом на скрещение людских судеб. Добавим к этому злостную реакционную сущность красавца полковника – и образ будет завершен!

– А ведь я роковой мужчина, – сказал он Алисе, обомлевшей от его красоты. – Вы не боитесь меня?

На что последовал откровенный ответ:

– Мне ли бояться вас, если я сама верю в рок!

Между ними уже тогда возникла немая духовная близость с привкусом тягучего, как мед, сладострастия, и все это (странное совпадение!) отчасти напоминало близость матери Алисы с мрачным фанатиком Штраусом... Качаясь на упругих диванах кареты, Алиса возвращалась с бала, и здесь случилось то, чего она сама же хотела: за Аничковым мостом к ней запрыгнул Орлов. Отвергнутая невеста, она подставила грудь и шею под бурный ливень неистовых поцелуев, а за окнами кареты неслышно кружило и несло громадные хлопья холодного русского снега... Орлов сказал ей:

– Моя жена дивная женщина. Но... вы поразили меня!

В ушах еще гремела бальная музыка, и Алиса поклялась, что никогда его не забудет. Она покинула Россию, чтобы больше сюда не возвращаться. Потом, из затишья Дармштадта, поцелуи Орлова казались ей лишь смешным эпизодом, каких будет в жизни еще немало. Русский престол стал для нее недостижим, словно далекая звезда, и Алиса дала согласие на брак с Эдуардом Саксен-Кобург-Готским, который приходился ей кузеном.

– Но не станем спешить, – предупредила она жениха.

«Гессенская муха» словно предчувяла, что все еще может измениться, а в дневнике цесаревича Николая скоро появится пылкая фраза: «Моя мечта – когда-либо жениться на Аликс Г.».

Мария Федоровна с явным удовольствием поставила сына в известность о том, что Алиса уже обручена с Кобургским.

– Разве я тебя огорчила? Но поверь моему материнскому сердцу: оно чувствует, что Алиса способна принести лишь несчастье. Я думаю, – заключила мать, – французам было бы лестно видеть под русской короной очаровательную головку истой парижанки.

Даже имя невесты было примечательно – графиня Елена Парижская; отец ее, в прошлом герцог Орлеанский, еще претендовал на бурбонский престол во Франции. Выбор для сына мать не ограничивала: существуют еще дочери герцога Коннаутского, вот красивая принцесса Вюртембергская (наполовину русская), вот и юная греческая королева, двоюродная сестра Ники.

– Ты можешь подумать и, подумав, выбрать...

Вскоре дотошный Санкт-Петербургский градоначальник фон Валь дознался, что цесаревич в Царском Селе соблазнил молодую еврейку, обещая сделать ее царицей (!); эту еврейку тут же сослали в Сибирь, чтобы она не растрепала эту дикую новость. Попутно фон Валь точно установил, на какие такие шиши Малечка Кшесинская с ног до головы обвешалась бриллиантами. История получалась, прямо скажем, некрасивая. Александр III имел с сыновьями мужской разговор, после чего жаловался Черевину:

– Не то страшно, что Ники и Жорж спутались с этой плясалкой. Другое! Два круглых дурака не могли даже сыскать себе двух б..., а живут по очереди с одной и той же. Мы ведь, Петя, люди свои, и мы понимаем, что это – уже разврат...

Скоро у Георгия обнаружили признаки чахотки, лейб-медики спровадили его на горную климатическую станцию. Черевин, как верный собутыльник царя, обладал правом говорить Александру III все, что думает, без придворных выкрутас.

– Ваше величество, – сказал он (не забывая, однако, титуловать своего приятеля), – а разгони-ка ты их всех подальше...

Александр III, по совету Черевина, велел готовить старших отпрысков в путешествие – почти кругосветное.

Об этом вояже писали многие – напишу и я!

4. Воспитательное путешествие

Переход от бурной балерины к замкнутой и монументальной принцессе был слишком резок, и требовалась промежуточная ступень, которую цесаревич заполнил случайной связью, в результате заболел секретной болезнью, а лечиться, во избежание сплетен, следовало подальше от дома, – такова подоплека путешествия, на которое царь навесил бирку с широкоевещательной надписью: «воспитательное»... Осенью 1890 года Николай приехал в гавань Триеста; тут его поджидал прибывший с Кавказа брат Георгий, имевший чин мичмана. Фрегат «Память Азова» отплыл в Пирей, где на пристани их встретила греческая королева Ольга, русская происхождения. С нею был сынок – королевич Георгий в чине русского лейтенанта, хороший спортсмен и замечательный лоботряс. Отведя его за руку в кают-компанию, королева сказала командиру фрегата:

– Мне с ним уже не справиться. Но, может, он еще послушается вас. В случае чего решаю вам моего лейтенанта... сечь!

Георгий греческий подмигнул Георгию российскому.

– Нам бы только до Каира добраться, – шепнул он.

Каир они прочесали так, что о них там долго еще вспоминали. Египетским пирамидам тоже отдали дань просвещения, но это – так, больше для приличия. Греческий принц Георгий, бугай здоровенный, еще издали предвкушал индийскую экзотику:

– Теперь бы до Бомбея доплыть поскорее! Я слышал, что там женщины – на любой вкус и все разноцветные.

– А в Сингапуре еще лучше, – отвечал российский кузен. – Там не просто принимают гостей. Заодно обучают тридцати восьми способам восточной любви. Лишние знания никогда не повредят...

Нашелся в свите человек, который осмелился заявить, что столь бесстыже вести себя нельзя. Это был дипломат Михаил Константинович Ону – блестящий знаток Востока, русский посол в Афинах, который сел на фрегат в Пирее.

– А ну его! – сказал на Ону греческий королевич.

Великокняжеская троица устроила на почтенного старца настоящую охоту. Стоило послу появиться на палубе, как все трое, включая и цесаревича Николая, дружно орало:

– А ну! А ну его...

Травля беззащитного старика увлекла молодежь. Николай с королевичем достали грязную прокисшую тряпку и теперь часами лежали над входом в кают-компанию, выжидая. Ону открывал дверь, чтобы выйти на палубу, и смрадная тряпка тут же опускалась на его лысину... Дипломат признался командиру фрегата:

– Кажется, это путешествие станет самым трудным эпизодом в моей биографии. Мне становится не по себе, когда я подумаю, что один из этой милейшей троицы станет моим императором...

Дул слабый зимний муссон, качки почти не было, на столах кают-компания горшки с цветами даже не привязывали. Корабли работали машинами, в помощь которым поставили косые паруса. Оба Георгия (русский и греческий) жили в кормовых каютах на общих офицерских правах. Иное дело – наследник. Николай занимал на фрегате салон адмирала, куда приглашал к столу, согласно очередности, по три офицера ежедневно, в том числе – по графику! – к нему ходил обедать и брат... Опьянев, они заводили на палубе бесовские игры. Инициатором игр являлся греческий королевич, которому сил и хамства девать было некуда. Но однажды над мачтами фрегата, идущего в океане, вдруг завитала на мягких пуантах тень балерины Кшесинской – злопамятный Ники не простил брату его успехов у Малечки! Георгий стоял в это время спиной к открытому люку. Николай со страшной злобой пихнул Жоржа от себя – и тот залетел

прямо в трюм. Из глубин корабля послышался сочный шлепок тела, столь отчетливо прозвучавший, будто на железный прилавок шмякнули кусок сырого мяса... Чахотка, недавно залеченная, после падения в трюм дала яркую вспышку. В Бомбее был созван консилиум врачей – русских и колониальных, которые сообща решили, что влажный воздух тропиков лишь ускорит развитие туберкулеза. Александр III телеграфом из Гатчины распорядился: «ГЕОРГИЮ ВЕРНУТЬСЯ НЕМЕДЛЕННО». Новый год встречали без елки – вместо нее соорудили нечто варварское из бамбуковых палок. На рейд Бомбея, возвращаясь из Владивостока на Балтику, влетел бравый крейсер «Адмирал Корнилов», чтобы забрать на родину великого князя Георгия. Николай вежливо прервал охоту на крокодилов – ради прощания с братом, которого сам и угробил!

– Со мной все кончено, – сказал Жорж, кашляя кровью...

Николай продолжил увлекательное путешествие. Он даже прифрантился. Серая «тройка» с жилетом, на голове – котелок, в руке – тросточка. Напоминал он при этом лабазного приказчика из Сызрани или Тамбова – вот он вышел вечерком на Дворянскую, вгоняя в трепет купеческих дочек... При верховой езде штанины брюк высоко вздергивались, обнажая нежно-сиреневые кальсоны. Для индийского климата – это уж слишком! Но англичане, природные джентльмены, кальсон цесаревича не замечали...

Проплыли мимо, словно в сказке, белые слоны Сиама; снасти кораблей были увешаны гирляндами бананов и мангустов; матросы стругали ананасы ножиками, словно репу с родимого огорода; сиамский король, искавший дружбы с Россией, прислал в дар русским морякам двух черных пантер, к которым было не подступиться, и двух милых поросят – ручных, как деревенские собачки. Была уже весна 1891 года, когда в день вербного воскресенья эскадра вошла на рейд японского порта Нагасаки. В компании с королевичем Николай начал свое знакомство с Японией. Для переездов пользовались рикшами, укрывались от дождей бумажными зонтиками. 29 апреля, осмотрев древности Киото, Николай въехал в узенькие улочки Оцу. Его вез на себе один рикша, двое других бежали сбоку, помогая везущему. За цесаревичем двигалась коляска с греческим Георгием, третьим (тоже на рикше) ехал японский принц Арисугава. Улица была шириною всего в восемь шагов. Кортёж растянулся, а по стенкам домов жались японские полицейские.

Среди них стоял и самурай Тсуда Сацо!

Двумя руками он обхватил саблю и с первого же удара рассек котелок на голове русского наследника. Со второго удара из-под сабли брызнула кровь. Георгий, выскочив из коляски, треснул самурая столь сильно, что тот сразу упал. В этот же момент сабля оказалась в руках рикши, который, недолго думая, уже начал отделять голову покусителя от тела. Тсуда Сацо, едва живого, скрутили. Николая отвели в ближнюю лавочку, где старая японка промыла водой ему раны. Врачи наложили на черепе два шва. Стало известно, что микадо Мацухито срочно выезжает к месту печального происшествия. Внук солнечной богини Аматерасу приложил немалые старания, дабы загладить вину своего самурая (Япония никак не хотела ссориться с великой соседкой из-за этого случая в Оцу). Микадо лично прибыл на борт «Памяти Азова», он буквально завалил палубу фрегата драгоценными дарами Востока, и корабль стал похож на громадный антикварный базар. Здоровье Николая не внушало никаких опасений, он был готов продолжить поездку по Японии, народ которой с удивительным дружелюбием относился к русским. Но тут вмешался грозный отец: «ОСТАВИТЬ ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, – диктовали из Гатчины, – НЕМЕДЛЕННО ИДТИ НА ВЛАДИВОСТОК». Был пасмурный и холодный день, когда «Память Азова» втянулась в гавань Владивостока; Россия обнажала перед наследником престола свои глубокие тылы... Владивосток – город бешеных денег (один пар-

шивый лимончик, которому в Питере цена копейка, здесь стоил 5 рублей). Железной дороги еще не было, но вокзал уже стоял, сверкая новенькими кирпичами. Николай взял тачку с землей, которую и сбросил в обрыв, символизируя этим жестом закладку Великого Сибирского пути со стороны Дальнего Востока... «Воспитательное» путешествие закончилось!

Много позже потянулись глупые сплетни, будто Николай II и не начал бы войны с Японией, если бы самурай не ударил его тогда саблей по голове. Но причины войны не были мелочны, а самураю Тсуда Сацо император на всю жизнь остался даже благодарен.

– Вы не поверите! – говорил Николай близким. – Но с тех пор, как меня трахнули в Японии по черепу, окончательно прошли головные боли, мучившие меня от самого раннего детства...

Вся Россия знала тогда наизусть эти стихи:

Приключением в Оцу опечален царь с царицею,
Тяжело читать отцу, что сынок побит полицией.
Цесаревич Николай, если царствовать придется,
Ты, смотри, не забывай, что полиция дерется!

А брат Георгий, посланный лечиться на высокогорном Абастумане, домой уже не вернулся. В сознании своего неизбежного конца люди становятся мудрее. Георгий увлекся астрономией и на свои личные деньги отстроил в Абастумане обсерваторию, которая сохранилась до наших дней... Смерть пришла к нему в 1899 году; на смертном ложе он ругался:

– Это мне братец устроил... за Малечку! Теперь убийца царствует, шлюха пляшет, а я вот подыхаю... под облаками!

Умер он страшно, решив убежать от смерти. Его нашли мертвым в грязной проточной канаве. Когда революция сошлет Николая II с его семейством в Екатеринбург, там, сидя на бревнах, сваленных возле дома купца Ипатьева, царь на свой лад осмыслит давно минувшее в юности.

– Господь бог покарал меня за Георгия, – говорил он. – Это я виноват в смерти брата. Если б не пихнул его тогда в люк, бог не гневался б на меня – и не было б революции на Руси...

В его тогдашнем положении мог бы он быть и умнее!

5. Колесо истории

Россия даже в самые мрачные времена своей истории не сидела сложа руки... Била камни на мостовых и создавала умные механизмы; таскала на пристанях мешки с зерном и выводила в лабораториях химические формулы; она разгружала корабли и копала картошку; люди гуляли на свадьбах, рожали детей и сидели в тюрьмах; русские с одинаковой гордостью носили великолепный фрак и бряцали ржавыми кандалами; производство имперской индустрии возрастало, и Россия могла выбрасывать на мировой рынок почти все – от броненосцев до детских сосок. Но два года подряд засуха губила урожаи; провинция голодала; в 1892 году вибрионы холеры проникли даже в столицу (одна из жертв – композитор Чайковский), а весь 1893 год Россия оправлялась от прошлых невзгод. Однако гатчинцев жизнь народа касалась лишь боком, и, отрывая первую страницу календаря, они произносили привычные слова: «Дай-то бог, чтобы Новый год был, как прежний...» Но в 1894 году пресловутое колесо истории со скрипом медленно провернулось, и сработали ржавые рычаги престолонаследия.

Александр II, один на один ходивший с рогатиной на медведя, передал Геркулесову силищу и сыну: Александр III шутя разрывал колоду игральных карт, в его кулаке бронзовые пепельницы сминались в комок. Но могучий организм царя уже подточила ежедневная выпивка, отчего ускорилось перерождение почек. Доказывать царю, что ему нельзя пить, было бесполезно, и потому врачи в основном обращались к его жене, чтобы она исключила из меню все «горячительные» напитки. Мария Федоровна вино со стола убрала, к обеду подавались квасы и вода Таицких ключей.

– Маша! – клянчил царь. – Ну, хоть стопочку... Лишь один гвардейский «тычок» в день могу я себе позволить?

– Ни одного «тычка»! И не смотри на своего Черевина...

Бравый алкоголик Черевин, потеряв такого сопитуху, каким был царь, уже не нашел себе места в жизни, уехав за границу, он в меланхолии застрелился. Но перед смертью о своих фокусах с царем успел поведать профессору физики П. Н. Лебедеву, записавшему его рассказ: «Мы с его величеством дураками не были. Заказали сапоги с такими голенищами, куда входила плоская фляжка. Почти целая бутылка коньяку! На двоих у нас четыре ноги – выходит, четыре бутылки. Царица подле нас – глаз не сводит. Мы сидим, будто паиньки. Трезвые! Отошла она, мы переглянемся – раз, два, три! – вытащим фляги из сапог, пососем и опять сидим. Царю ужасно такая забава нравилась. Вроде игры. И называлась она у нас так: «Голь на выдумки хитра». Хитра ли голь, Петя? – спрашивает меня царь. Ну, до чего ж хитра, говорю. Раз, два, три – и сосем! Императрица никак не поймет, с чего мы наладились. А его величество уже на спинке барахтается, визжит от восторга и лапками болтает... Да, – заключил Черевин, – были люди в наше время, когда весенний первый гром, не то, что нынешнее племя в тумане моря голубом!»

Здоровье царя ухудшилось, из Москвы был зван знаменитый доктор Захарьин, который заявил, что брайтонова болезнь нуждается в климате острова Корфу.

– Если со мной что случится, – сказал царь Николаю, – ты еще не женат. Это неприлично для... императора. Пока я жив, хочу видеть тебя супругом. Слава богу, что Эдди Кобургский умер и сердце Алисы Гессенской отныне снова свободно...

Ситуация не совсем корректная: сначала Алису забраковали, а теперь жених пускался за невестой вдогонку – умолять, чтобы она его осчастливила. Впрочем, Алисе не пристало и задаваться, ибо Гессенский двор в Европе – двор не первого ранга!

Гессен-Дармштадтское герцогство входило в состав кайзеровской Германии, и дела гессенские были делами берлинскими. Едва стало известно, что цесаревич едет искать руки Алисы, как сразу же сорвались с места два опытных путешественника – кайзер Вильгельм II и королева Великобританская. Брак и любовь для монархов – это прежде всего продолжение династической политики.

Николая сопровождали пресвитер Янышев, дабы обратить Алису в православие, и придворная лектрисса Шнейдер – вразумить ее русскому языку. Поезд цесаревича достиг Кобурга, где в это время невеста проживала у своих русско-германских родственников. На следующий день сюда прибыла грозная старуха Виктория, обладавшая полмиром (эскадроны гвардейских драгун составляли ее почетный эскорт). Примчался на экспрессе и кайзер, которого Николай встретил на перроне вокзала в прусском мундире. Вильгельм II засел со свитой в соседних комнатах замка, а за стенкою происходили вялые переговоры жениха с невестой. Топорща жесткие завитки усов, кайзер недовольно щелкал крышкою часов: «Мне надо быть в Киле на спуске нового крейсера, а вместо этого я торчу здесь. Я не имею права столь бездарно расходовать свое время! – Он решительно прошел к молодым, скоро вернулся к свите. – Все оформилось, как мне было угодно... Надо же знать Ники – он совсем размяк, но я взял бутылку с мозельским и влил ее в моего птенца-кузена. После чего толкнул его в объятия моей племянницы. Дело сделано! Сейчас они уже там целуются напропалую...» Николай записывал вечером: «Чудный, незабвенный день моей жизни... мы объяснились. Вилли сидел в соседней комнате, все семейство на радостях лизалось». Утром жениха разбудили шотландские волынки – это английская бабка Алисы выстроила музыкантов под окнами замка. За семейным кофе, тряся жирными брылями одутловатых щек, Виктория сказала Николаю: «Теперь вы, Ники, тоже должны звать меня бабушкой...» Желая отплатить королеве за игру на волынках, цесаревич срочно выписал из Петербурга Преображенских певчих с волосатым, как леший, пропойцей-регентом (на кобургских немцев он произвел неизгладимое впечатление). Николай постился, усердно раскрашивая пасхальные яйца. К заутрене выходил в гусарском ментике, христосовался со свитой. Алиса в эти дни заявила ему:

- А теперь я должна знать, что ты пишешь в дневнике...
- Но дневник я веду на русском.
- Все равно! Ты мне покажешь его...

Еще не став мужем, он уже попал под гессенскую цензуру. В конце апреля, заодно с бабкой, Алиса тронулась погостить в Англию, а Николай вернулся домой. Всю дорогу до Гатчины свита беспощадно расправлялась с гигантскими запасами вагона-ресторана. Вот и Луга – здесь, на подталом перроне, Николая поджидали офицеры 1-го батальона лейб-гвардии полка Преображенского, которым цесаревич командовал, и они кричали «ура» жениху. На гатчинском вокзале сына встречал император с семейством.

- А отец плох, – шепнула Мария Федоровна...

Летом император разрешил взять яхту «Полярная звезда», чтобы навестить в Англии невесту. Здесь Алиса, еще не постигнув русского языка, начала уснащать николаевский дневник сентенциями по-английски: «Мой дорогой мальчик, – писала она, – верь и полагайся на свою девочку... Всегда верная и любящая. Преданная, чистая и сильная, как смерть! Я мечтаю о поцелуях... Будущее скрыто для нас – только настоящее мы можем считать своим». Николай обожал военную форму, но в Виндзорском дворце, как последний «штафирка», был вынужден танцевать в белых чулках. За обедом принц Уэльский (будущий английский король Эдуард VII), который приходился Алисе дядей, сказал невесте, кивая в сторону смущенного курносого Николая:

– Профиль твоего суженого природа будто скопировала с профиля безумного Павла Первого... В России ты должна спать вполглаза: как бы ночью вас обоих не придушили бородатые генералы!

Это был светский «гаф», не вполне тактичный, но сердиться на дядюшку Алиса не осмелилась. Впрочем, ей было известно, что Павел I был женат на ее прабабке, и там получилась неприличная история: Вильгельмина Гессенская забеременела от красавца Андрея Разумовского и умерла в тягостях родов. Дядюшка Уэльский, даже подвыпив виски, мог бы и пощадить свою племянницу!

Слухи о болезни Александра III уже просочились в народ, русское общество стало неясно грезить о том, что престолонаследник свернет Россию с реакционного курса своего упрямого и вечно нетрезвого родителя. Император же продолжал жить так, будто никакого нефрита у него нет, а его почки – это железные насосы, способные денно и нощно перекачивать от одного отверстия до фанов другого литры коньяку, водки и шампанского...

Ради охоты (скорее по семейной традиции) он отправился осенью в Беловежскую пушу. Текли холодные дожди. Мария Федоровна сильно простыла, получив в бок острый lumbago.

– Сашка, хватит тебе стрелять, едем греться в Ливадию!

Врачи настаивали, что надо ехать на остров Корфу.

– Нет уж! – отвечал царь. – Если помирать, так дома...

Романовы и громадная их свита, радостно волнуясь, плотно забили вагоны поезда и 18 сентября направились на юг – к солнцу, к теплому морю, к виноградникам, в Ливадию!

6. Скандал в Ливадии

Они разместились в Малом дворце, созданном вычурным зодчим Монигетти. Небольшие комнаты вполне устраивали Александра III; окно в спальне с видом на море было открыто. Вдали, испытывая механизмы, утюжил воду тяжкий броненосец «Двенадцать Апостолов». Император громадной тушей расплылся в креслах, а Мария Федоровна неразлучно сидела с ним рядом. В паркет их супружеской спальни были вделаны две старые татарские подковы.

– Одну нашла я, а другую нашел ты... Стерлась наша жизнь, Саша, как и эти подковы. Говорила же я тебе – не пей!

«Двенадцать Апостолов» проплыли мимо Ливадии, над печальным морем еще долго клубился темно-бурый дым скверно перегоревших углей. Молодежь шумно веселилась внизу двора. Ники с Ксенией играл на фортепьясах, ездил в Массандру пробовать вина, а на ферме в Эрикликке поглощал кефиры и простокваши. Пять светил медицины неотлучно дежурили возле кресла больного императора. Поняв, что смерть не за горами, Александр III стал проявлять сильное беспокойство о делах престольных.

– Время не терпит, – говорил он жене, – и надо ускорить приезд Алисы... Она длинная и пусть исправит породу.

Из носа царя потекла кровь, он дышал тяжело, словно загнанный першерон. Алиса прибыла в прозрачный и чистый день, от Ялты она катила в широком ландо, заваленном цветами и крупным виноградом. Возле дворца невесту встречал, отдавая ей первые царские почести, николаевский батальон преображенцев.

Александр III отнесся к приезду невестки равнодушно:

– Приехала? Я так и знал... С чего бы ей отказываться? Короны – это не пуговицы, и на земле они не валяются. – Возле его кресла лежала куча министерских бумаг, ждущих подписи; отец придвинул их сыну: – Читай ты, а я уже отчитался...

Николай впервые в жизни скучал над казенными бумагами. Его развлекало соседство свежей ароматной невесты.

– Эта депеш есть читала мы, – говорила она по-русски...

Романовы разбрелись по саду, потерянные. Собирались в гостиной первого этажа. Наспех жевали бутерброды, пили чай и молоко. За столом слышались приглушенные разговоры:

– Она какая-то деревянная, словно сколочена из досок, и я удивляюсь, что при ходьбе от нее не исходит скрипа шарниров.

– Тетя Минхен, передайте масло. Благодарю... Я ей поклонилась, а она ответила мне кивком головы, и то не сразу.

– Я не одобряю выбора Ники: лицо у Алисы красиво, но, если присмотреться, то черты лица совсем не тонкие.

– Говорят, ее брат Санди не совсем-то нормальный.

– Да, у этих гессенцев давно не все в порядке...

По отношению к великокняжеским родичам Алиса держала себя в холодной недоступности, ни с кем не вступая в разговоры, несла свой подбородок высоко. Ей было уже ясно, что Александр III обречен, а русская корона ей обеспечена... Но наверху дворца мать с отцом еще имели право решать дела престольные по своему усмотрению, и Александр III вызвал сына к себе.

– Ники, – сказал он ему, – ты и сам знаешь, что неспособен управлять страной. Обереги же Россию от врагов и революций хотя бы до того времени, когда Мишке исполнится двадцать один год. Обещай клятвенно по доброй воле уступить престол брату!

Александр III загибал разбухшие от водянки пальцы.

– Сколько же тебе мучиться? – бормотал он, подсчитывая годы. – Сейчас Мишке только шестнадцать. Год, два, три... Пять лет тебе сидеть на престоле, после чего сдай корону Мишке!

Алиса встретила его, поджав тонкие губы.

– Ники, – заявила она, – мне не нравится, как ты ведешь себя с людьми, которые ниже тебя. Если ты меня любишь, ты обязан меня слушаться... Почему профессор Лейден делает доклад о здоровье твоего отца не тебе, а твоей матери?

– Но это же так естественно: она ему жена.

– Согласна, что это естественно, но это... неправильно! Не забывай, кто ты. Нельзя, чтобы тебя обходили. Выяви свою железную волю, и пусть все сразу знают, что в России ты самый главный человек, а после тебя... после тебя главная здесь я!

Александр III скончался на 50-м году жизни. Его не задушили, не взорвали, не отравили – он умер сам (уникальный случай в династии Романовых!). Телеграфы уже отстукивали по редакциям мира сногшибательное сообщение: «ЭТО БЫЛ ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИМПЕРАТОР, КОТОРЫЙ УМЕР ЕСТЕСТВЕННОЙ СМЕРТЬЮ – ОТ АЛКОГОЛИЗМА...» Мария Федоровна с трудом высвободила свою ладонь из влажной руки мертвеца. Она опустила на порог спальни, широкий плед ее платья закрыл две стершиеся в бешеной скачке подковы.

– Какая пустота вокруг, – простонала царица...

Возле тела отца появился Николай, и она (мать его!) вдруг с неожиданной ненавистью посмотрела на сына, который приближался к ней – уже как император. В ливадийском дворце разразился жесточайший скандал, о котором знали тогда лишь немногие... Надо было присягать НИКОЛАЮ ВТОРОМУ, но Мария Федоровна отказалась дать клятву. В дворцовой церкви духота от множества пылавших свечей. Теснотища от наплыва великих князей и княгинь великих. Обращаясь ко всем Романовым, вдовая царица вдруг заявила:

– Мой сын неспособен править Россией! Он слаб. И умом и духом. Еще вчера, когда умирал отец, он залез на крышу и кидался шишками в прохожих на улице... И это – царь? Нет, это не царь! Мы все погибнем с таким императором. Послушайте меня: я же ведь мать Ники, и кому, как не матери, лучше всех знать своего сына? Вы хотите иметь на престоле тряпичную куклу?

Началась ссора – хоть святых выноси. Великая княгиня Мария Павловна (из дома Мекленбург-Шверинского) уже пихала к престолу своих отпрысков – Кирилла, Бориса или Андрея Владимировичей, но их тут же оттерли, как рожденных от лютеранки. Черногорки Милица и Стана трещали как сороки, что «дядя Николаша» лучше племянника. Мария Федоровна шагнула к сыну, глядя в упор:

– Ты должен, Ники, понять меня и мои чувства...

Николая II обступили и другие Романовы:

– Как это ни печально, Ники, но мать права. Откажись от престола сразу же, и пусть коронуется Мишка, а до его совершеннолетия регентство над ним отдадим твоей разумной матери...

Алиса Гессенская вдруг начала краснеть, и выражалось у нее это странно: сначала до самых локтей побагровели руки, потом лицо, мертвенно-бледное, вдруг закидало яркими пюнами пунцовых пятен. Тут все догадались, что невеста, едва владея русским языком, все же поняла смысл романовской перебранки.

– Не слушай никого, – шепнула она жениху по-английски, – а поступай по воле божией. Если сейчас на твою голову опустятся святые ангелы, они внушат тебе то же самое, что говорю я!

Николай слабо оправдывался перед сородичами:

– Ну, какой же Мишка царь? Ему бы только собак гонять. Отец и не требовал, чтобы я вручил ему престол сразу же... Покойный родитель просил меня царствовать хотя бы пять лет.

– Прекратите этот базар! – рыдала Мария Федоровна. – Боже, какая дикая ночь... Я не стану присягать тебе. Не стану!

... Она прожила очень долгую жизнь и умерла на своей родине, пережив три русские революции, гибель династии, потерю детей и внуков. Наверное, в тихом Копенгагене ей, уже глубокой старухе, часто потом мерещилась эта сцена в церкви Ливадии. Она так и не уступила сыну! Но ей пришлось умолкнуть перед батальоном лейб-гвардии полка Преображенского, который (верен своему командиру) вступил под сень храма, где грызлись «помазанники божии», и этот батальон первым присягнул Николаю как императору¹, а следом пошли целовать иконы и все прочие... Но даже в кольце штыков Мария Федоровна не присягнула сыну!

На следующий день свершилось «миропомазание» Алисы Гессенской, которую нарекли Александрой Федоровной. Духовник дворца в своей речи обмолвился и назвал Алису «даромшматской» принцессой. Владимировичи, рожденные от матери-лютеранки, смеялись даже со злобой, скрывавшей их вчерашнее огорчение:

– Даромшматская... Надо же такое придумать!

Смеху подбавила и сама Алиса, объявив по-русски:

– Теперь я намазанница божия.

С моря накатывал сильный прибой, грохот воды и шум гальки заглушали все изветы. Александр III быстро разлагался, а лицо его после бальзамирования приобрело звероподобный вид. Пришла черноморская эскадра, на шканцах броненосца «Память Меркурия» (под тентом из Андреевского флага) поставили гроб и отплыли в Севастополь. Шторм кончился, не качало. Алиса твердила Николаю:

– Я твой ангел-хранитель. Неси бремя с терпением...

Траурный поезд отходил от Севастополя; Мария Федоровна, стоя возле окна, билась лбом в забрызганное дождем стекло.

– Какой день, какой день... Саша, ведь именно в этот день была наша с тобою свадьба! Откройте гроб, я хочу его видеть...

Мрачный экспресс с грохотом и воем летел через великую многострадальную страну, жившую надеждами на будущее. Вот и первопрестольная! Здесь Николаю II предстояло сказать речь в Георгиевском зале Московского Кремля, а говорить-то с людьми он не умел, панически боялся многолюдства. Нашелся в свите опытный человек – подсказал, как поступать в таких случаях:

– Ваше величество, без шпаргалки не обойтись.

– Стыдно, если заметят, что я говорю по шпаргалке.

– Никто не заметит! – заверил придворный ловкач. – Эту шпаргалку вы смело кладете на дно своей шапки. А шапку надели на голову. Затем вы шапку, естественно, снимаете. Держа ее перед собой, поглядывайте в шапку, читая. Никто не догадается...

Первая речь царя, прочтенная из шапки, сошла благополучно. Петербург уже наполнялся королями и принцами, делегациями и посольствами, съезжавшимися к погребению Александра III, и в сцене его похорон как бы определился стиль будущего царствования. Провожали покойника с беспардонным цинизмом, а хаотичность церемонии была поразительной. Никто не знал своих мест, все перепуталось. Слышались разговоры, шутки и неуместный хохот; из рядов погребальной процессии кавалеры раскланивались с дамами, занимавшими балконы в домах. Под конец траурная церемония обратилась в Панургово стадо, и это стадо валило через Неву, совсем забыв про покойника, а тем более о молодом императоре, понуро плевшемся за

¹ Николай II считал себя позже обязанным своему батальону за доставку короны и до самого конца царствования оплачивал из своего кармана все долги Преображенских офицеров.

гробом. Возглавляли же кавалькаду два питерских мясника, которым по ритуалу следовало идти далеко впереди катафалка. Один мясник был одет в черные рыцарские латы, дабы выражать печаль по умершему царю, а другой шел в светлых латах, демонстрируя радость грядущего царствования. Как символам смерти и жизни, им нельзя было сближаться! Но в общей неразберихе рыцарь печали и рыцарь радости сошлись бок о бок:

– Кондратьич, ты лавку-то свою красить собираешься?

– Уже покрасил! Говорят, вчерась на станции вагон с черкасским мясом растибрили...

Тебе не предлагали из-под полы?

Александра III похоронили в Петропавловской крепости, где мертвые цари издревле привыкли разделять общество с живыми врагами царизма, – уродливейший парадокс самодержавной власти! В столицу нахлынули монархические депутации из губерний, Николай II, чтобы не возиться с каждой отдельно, велел всех монархистов, как баранов, загонять толпой в Николаевскую залу.

– Я тронут, – говорил он им. – Я очень тронут...

Словечко прилепилось к нему хуже банного листа, и он повторял его, когда надо и не надо. Придворные шутники острили: «Наш император уже тихо тронулся...» Между тем дня не проходило, чтобы у нежной Аликс где-нибудь не побаливало. То здесь кольнет, то там ее схватит, то ей воздуху не хватает. Вот и сегодня лежит пластом, словно парализованная: ходить не может, ее на руках таскают из комнаты в комнату. Лейб-медики удивлены – женщина не больна, но она и не здорова; ходить может, но она, черт ее побери, почему-то решила, что ходить неспособна... 14 ноября невеста все-таки встала – был день ее свадьбы! Николай II отреагировал на это событие скромно: «Спать завалились рано, т. к. у бедной Аликс снова разболелась голова!» Зато жена писала в дневнике восторженно: «Наконец, мы навеки скованы, и, когда здешней жизни придет конец, мы опять встретимся на другом свете, чтобы вечно быть вместе. Твоя, твоя... Покрываю тебя горячими поцелуями. Мой супруг! Мое сокровище! (в конце, правда, сделала приписку: «Нехорошо по ночам скрежетать губами...»»). Экзальтацию своих чувств она покрывала налетом мрачного мистицизма, и этот налет, словно патина на старинной бронзе, придавал молодой женщине что-то нежилое, мертвенное, почти загробное. Характер ее в общении с людьми раскрылся мгновенно – узколобая и нелюдимая эгоистка, живущая лишь ради себя и своих страстей, она привезла из Германии презрение к русскому народу, который искренне считала народом варварским и недоразвитым; императрица заметила в православии лишь языческие пышности, а церковные формы религиозных обрядов, казалось ей, служат единой цели – восхвалению самодержавной автократии. «Я так хочу, – капризничала она. – А этого я не хочу. Но если я хочу, значит, так надо. Правда – это только то, чего мне хочется!» К сожалению, эта злобная фанатичка обладала сильной волей и хваткой памятью, что и доказала в занятиях русским языком. Лектрисса Шнейдер не могла нарадоваться своей ученицей, когда Аликс вписала в дневник мужа первые стихи по-русски:

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и Крест – символ святой.
Все полно мира и отрады
Вокруг Тебя и над Тобой...

Современники заметили, что люди высокого роста всегда имели на царя большое влияние – Победоносцов, Плеве, Витте, Столыпин, Штюрмер и... жена! Имевшие же несчастье быть великанами повергали царя в ужас. Министр двора Фредерик таким монстрам даже отказывал в аудиенции, говоря им откровенно: «Помилуйте, я не желаю вашим видом портить на весь день настроение государю...»

Нет, она не забыла свою первую русскую любовь: став шефом Уланского полка, Алиса пожелала, чтобы Саня Орлов командовал этим полком, и Николай II уступил ее просьбе. В это время царица была стройной, хорошенькой женщиной, пышноволосая и синеглазая, с длинными черными ресницами, и никто бы не догадался, что за такую приличной вывеской таится скопище злобных истерик, мистики и ненависти... Один видный русский сановник случайно заехал в Дармштадт, где имел немало старых знакомых, и разговор у них, естественно, зашел о молодой русской государыне:

– Ах! До чего же мы в Гессене счастливы, что от нее избавились. А вы с нашей сумасшедшей принцессой еще наплачетесь.

– Но почему же? Она благопристойна и корректна.

– А вы разве еще не заметили, что Алиса ненормальная? Вы ведь не знаете в России всего того, что тут творилось под крышею дворца наших гессенских герцогов.

– Простите, а... что же тут у вас творилось?

– Это уж секрет нашего Дармштадта!

Секрета не было: мать русской императрицы умерла в чудовищных содроганиях души и нервов – общение с германским черносотенцем Давидом Штраусом, в котором она видела «мессию», искалечило ее жизнь и ее психику. Но идеи мессианства она заложила в душу дочери, и теперь Алиса с высоты престола беспокойно озиралась по сторонам, словно желая знать – где тут апостолы? Кто станет ее пророком «от небесного откровения»?..

Будущий «мессия» пока что колобродил в Сибири!

7. Нечистая сила

Вдруг приехал в село Покровское мужик Григорий, никому не ведомый, деловито занял пустовавшую избу. Никто и не думал, что под отчий кров вернулся сын бывшего волостного старшины... На высоком лбу его краснела шишка – застарелый след удара, полученного в кабацкой сваре, а шишку он закрыл длинными прядями волос. Покрытый оспинами нос выступал далеко вперед, похожий на иззубренное лезвие топора. Кожа лица была морщинистой и загорелой, а правый глаз Гришки обезображивало желтое пятно. Смотрел на всех муторно и беспокойно – противно эдак-то поглядывал.

– Ты из каковских будешь? – спрашивали мужики.

– Из таковских! Человек божий, по жизни прохожий...

Приехал не один: с ним была жена Прасковья, из тобольских мещан Серихиных. Кормиться трудом Гришка не пожелал. Правда, чтобы не околеть с голодухи, он иногда в извоз нанимался – когда ссыльных в глухомань отвезет, когда до Тюмени возы с сеном или дровами доправит. Из таких «ездок» обычно вертался пьян-распьян, весь раздрипан в трактирных драках. Без шапки, без денег! Входил в избу, и оттуда сразу же рвался наружу долгий вой Парашки Серихиной – это Гришка от самого порога начинал лупцевать свое сокровище. Вся деревня слушала, как воеет баба.

– В ум-разум вгоняет, – говорили. – Да и то, поди: с дороги возвратясь, как ту жену гостинцами не попотчевать?..

По селу ходили недобрые слухи, будто Гришкина жена служила ранее в «номерах» губернских, где по дешевке проезжих гостей ублажала и трудами немалыми даже на швейную машинку себе скопила, но Гришка эту машинку пропил. Жизнь мужицкая нелегка: летом изматывались с домочадцами на пашне, готовили дрова и солили впрок убоину, а зимой тоже не продохнешь – катать для города валенки, подновляй упряжь, опять же и овчины – их мять надо! А Гришка знай себе на печке валяется и пухнет там, давя клопов на стенках желтым корявым ногтем.

– Рази так можно? – говорили мужики. – Ты бы встал. Ты бы умылся. Гляди, сам рван, жена не кормлена. А копейка в кошелек не скачет. Ее струдить надоть. Крестьянская денежка пот любит!

Ответ Гришки звучал изуверски-кощунственно:

– Ежели господе богу угодно было меня на свет произвести, так пуцай он и позаботится, чтобы я сытым бывал. А работать – не! Я вам не лошадь. На кой хрен мне спину-то ломать? Все подохнут одинако – что труженики, что бездельники...

Порченный – поставили на нем клеймо односельчане. Известно, сколь целомудренна русская деревня: матерного слова не услышишь, а Гришка сквернословил при любом случае, дрался бесстрашно. Лошадей не жалел – загонял насмерть. Внешне мрачный и нелюдимый, обожал веселье, и, коли где гармоника пиликнет, он уже пляшет. Час пляшет, два, три часа... Пузырем вздувается на его спине рубаха, вонючая от пота. Плясал до иступления, пока не рухнет. Плясал, выкрикивая слова песни, словно выбрасывал плевки:

Я люблю тебя, родная!
Я люблю тебя за то!
Что под платьем, дорогая!
Ты не носишь ничего!

Имел тонкий нюх и на выпивку. Носом чуял, где вчера пиво варили, где казенный штоф распивают. Придет Гришка, никем не зван, встанет у притолоки, в избу не входя, и стоит там,

шумно вздыхая: мол, я уже здесь... учтите! Мужики пьют водку из мутных стаканов. Суют в бороды лохмы квашеной капусты, закусывая. На зубах хрустят крепенькие огурчики. Иной раз посовесятся:

– Эвон, Гришка-то заявился. Може, и ему плеснем махоньку? Вить ён, как ни толкуй, а тоже скотина – ждет подношения...

Угостившись, Гришка не уйдет, а лишь обопрется о притолоку косяка. Быстро пустеющий штоф приводит его в отчаяние:

– Налейте же и мне, Христа ради!

– Это зачем же тебе наливать? Платил ты, што ли?

– По-божески надоть, потому как – все люди.

– Нет, – настаивали мужики, – ты сначала ответ держи: рази в сооружении энтого штофа ты лично участвовал?

– Не участвовал, но... изнылся. Не погубите!

– По какому же порядку нам тебе наливать?

– А вы в беспорядке налейте... даром.

– Даром! – смеялись за столом мужики, жестокосердно приканчивая штоф без него. – Ишь, пряткий какой... Хы-хы-хы! Пришел и требует, чтобы налили. И ведь не стыдится сказать такое...

Протрезвев, мужики пугались – Гришка умел отомстить. Один богач на селе справлял свадьбу дочери, а Гришку не позвал к угощению. Когда молодые на тройках ехали из церкви, кони вдруг уперлись перед домом – не шли в ворота. Все в бешеном мыле, рассыпая с грив праздничные цветы и ленты, под градом ожесточенных побоев, кони не везли молодых к счастью. «И не повезут», – сказал Гришка, стоя неподалеку... Молодухе же одной, отказавшей ему в любезности, Гришка кошачий концерт устроил. Со всего села сбегались коты по ночам к ее дому, и начинался такой содом, хоть из дома выселяйся...

Староста Белов докладывал исправнику Казимирову:

– Я его, патлатого, не боюсь. Но в глаза ему никогда не гляжу! Коли он на меня зыркнет, так будто мне за шкурку гадюку бросили... Добро бы – цыган какой, так нет: не глаза у Гришки, а бельма пустые... Будто гной поганый течет из глаз его!

Революция 1917 года сняла запрет молчания со многих свидетелей, и крестьянин Картавцев показал под присягой следующее:

– Однась поймал я Гришку на покраже остожья. Он мое остожье порубил, жерди на телегу поклат и хотел уже везти на пропой. Тут я его ущучил и велел ему с покраденным остожьем вертать кобылу до волости. Он заартачился и хотел удрать, но я его держал. Тогда он – на меня с топором! Думаю: зарубит ведь. А у меня в руках дрын был. Я как хватил Гришку дрыном. Да столь ладно, что он топор выронил, а кровь из него ручьем. Полег замертво. Ну, думаю, сгубил человека. И стал приводить в сознание. Расшевелил дожива и опять потащил к волостному. Гришка очухался, начал рваться. Тут я ему еще насовал – довел!..

Природа наградила Гришку железным здоровьем. Гораздо позже журналисты подвели итог его скотской выносливости. В возрасте 50 лет он мог начать оргию с полудня, продолжая кутеж до 4 часов ночи; от блуда и пьянства заезжал прямо в церковь к заутрене, где простаивал на молитве до 8 утра; затем дома, отпившись чаем, Гришка как ни в чем не бывало до 2 часов дня принимал просителей, говорил по телефону и устраивал разные аферы, потом набирал дам и шел с ними в баню, а из бани катил в загородный ресторан, где повторял ночь предыдущую. Никакой нормальный человек не мог бы вынести подобного режима...

Картавцеву – после битья – Гришка пригрозил:

– Погодь, я тебе этого не забуду – исплачешься...

Отомстил жестоко: растлил дочку Картавцева, а потом видели, как его невестка на сеновал к Гришке бегала. Скоро с выгона пропали две лошади Картавцева, который приметил, что

Гришка их наемни оглядывал. Картавцев кинулся к Гришкиной избе, Гришка вышел на крыльцо, притворно зевая, будто спал:

– Ну, что тебе? На ча мне сдались твои кобылы?

Картавцев заплакал злыми слезами, рухнул в ноги.

– Гриша, – взмолился он, – ты с меня свое уже взял, уже помял баб в доме моем... Верни лошадушек. Погибну ведь!

– Иди отседова, покель ноги держат, – отвечал Гришка...

Никогда того на селе не водилось, а тут стали девки рожать, будто их ветром надувало, и, боясь позору, подкидывали младенцев в дома к бездетным. С опросу выяснилось – Гришкина работа! «За такое надо учить», – и стали мужики зверски калечить Григория за блуд с их женами, дочерьми и сестрами, но Гришка вставал от побоев даже освеженный, будто в жаркий день искупался (сказалась в нем закалка конокрада). При этом еще и грозился:

– Бейте меня и далее, а я свое все равно возьму!

За мерзкие дела прозвали Гришку на селе РАСПУТИНЫМ, и это имя столь крепко прилепилось к нему, что уже не отдерешь. Исправник Казимиров, объезжая свои дремучие владения, не пожелал учитывать Гришку под фамилией «Новых».

– Тогда валяй по-старому – Вилкиным.

– Какой же ты Вилкин? – хохотал исправник. – Вилкин – это от вилки, которой господа салаты кушают, а Распутин – от распутства. Я грамотней тебя, фамильные тонкости понимаю...

Крестьянская община села Покровского возбудила перед властями вопрос о высылке Распутина в Восточную Сибирь, но Гришка не стал ждать, когда его возьмут за шкуру. Он разулся и босиком тронулся в дальний путь, покидая село. На околице ему встретились бабы с граблями:

– Ты кудыть уцелился-то, Григорий?

Вороватый взгляд и подлеиший ответ:

– Да я далече... богу молиться. Мне и тятенька завещал, чтобы я Верхотурскую обитель посетил. Ох, грехи все, грехи наши...

Долог пеший путь из Тобольской губернии до Пермской, где затаился в лесах монастырь. Много месяцев о Распутине не было ни слуху ни духу. А потом явился... но в каком виде! Шел полураздетый, без шапки, длинные волосы совсем закрывали лицо. Никого не узнавая, размахивал руками и все время пел нечто духовное. В церкви дико озирался по сторонам и вдруг ни с того ни с сего начинал силло голосить псалмы... Кажется, что в период богомолья Распутин повстречался с людьми, которые очень сильно подействовали на его кривобокую психику. Вел он себя странно. Движения стали беспокойны и порывисты, он ходил по селу, часто приседая, потирал руки. Речь иногда делалась бессвязным набором слов. А после нервного возбуждения наступала глухая, замкнутая депрессия... Вернувшись из Верхотурья Распутин был явно ненормальным, потом он вроде оправился, и здесь летописцы отмечают страшный взрыв чувственности, словно нечистая сила поселила в нем беса блудного! Но грубую животную похоть Гришка неизменно облекал в формы богоугодничества – этим он невольно закладывал первый камень в фундамент будущей «распутинщины».

Сибирь тогда кишмя кишела сектантами, и Распутин со своими наклонностями, конечно, не мог окунуться в холодный мистицизм официальной религии. Складу его природы отвечали хлысты – с их буйными плясками, с их аморальным кодексом, где под глубоким покровом тайны творились самые мерзкие преступления противу нравственности. Теперь в избе Распутиных частенько останавливались какие-то странницы в полумонашеском одеянии, приходили на закате солнца, а убирались с первой росой... Скоро села Покровского показалось Распутину

мало – обесчестил и села окружные. Словно сатана какой, водил баб в лес тучами, там ставил кресты на елках, велел бабам молиться на него, а при этом плясал, дергаясь, обнимал всех и звал парней из соседней деревни – начинался свальный грех...

– Хлысты объявились, – заговорил народ, будто о чуме.

Распутин взял моду целоваться со всеми в уста.

– Греха в том нету, – говорил в оправдание. – Какой же грех, ежели все люди на земле родня друг другу? Коли я девку целую, так я закаляю ее противу беса... Спроси любую из них – противно ли ей это? Ежели противно, тады ладно, не буду!

Вокруг него скоро образовался кружок из людей темных и забытых. Сначала это были его дальние родственники с выселков, одичавшие в одиночестве, и две девки – Катька и Дунька Печеркины. Молельню вырыл Распутин под избой – словно могилу, и проникнуть туда никто из посторонних не мог. Из бани Распутин сам уже не шел – глупые девки тащили его на себе. В этот период жизни Гришка много болтал о любви к богу, молол что-то о создании на земле «мужицкого царства», и нашлись дуры, поверившие в его святость. Из дальних деревень шли женщины, дабы покаяться в грехах не священнику в церкви, а новому апостолу... Распутин говорил дурам: «Перво-наперво, коли уж решила покаяться, ты меня не стыдись. – Но покающихся от себя уже не отпускал, внушая им: – Как мне поверить, что ты искрення? Вот, коли в баньку со мною сходишь, ноги омоешь мне, яко спасителю, да водицы той испьешь толику, тады поверю: ты – во Христе!» Туняец, бежавший от труда, словно черт от ладана, Распутин нахально ощупывал котомки своих поклонниц и ничем не гнушался – ни соленым огурцом, ни куском ватрушки, ни луковицей. В этих обысках странниц активно участвовала и его жена Парашка (с того, кажется, и кормились)... Жидкие глаза Гришки, похожие на овсяный кисель, сочно и непотребно обласкивали деревенских молодух, которые отворачивались, закрывали лица рукавами, но тут же сами искали распутинских взглядов. Гришка давно уже приметил, что люди добрые взоров его не выдерживают...

...А в далеком Петербурге жаловалась мужу царица:

– Каждый день болит моя голова. Ежечасно расширено сердце. Я живу на каплях и валюсь в постель как мертвая. Меня гнетет ощущение предстоящей беды, и я не вижу никого, кто бы мог спасти меня! Жизнь очень трудно понять. Россия – унылая снежная равнина, а Петербург – столица подлецов и мерзавцев. Я знаю, что меня здесь не любят, но и мне тут никто не нравится!

Наглотавшись капель, она валилась на кушетку и курила крепкие папиросы, изнуряя себя самоанализом чувств, подозревая окружающих в том, что они решили испортить ей жизнь.

8. Житие царя тишайшего

Осип Фельдман, известный в ту пору гипнотизер, прогуливался однажды по берегу моря возле Сестрорецка. Вдруг видит – с купальных мостков упал в море старик, облаченный в тяжелое пальто, и тонет. Отважный гипнотизер кинулся в воду и вытащил старика на берег. Тот открыл один глаз – оглядел своего спасителя:

- Жид?
- Увы.
- Крестись...

Все рекорды лаконизма были побиты! Осип Фельдман вытащил из воды синодского обер-прокурора Победоносцева, и уже на следующий день газеты опубликовали фельетон Амфитеатрова, озаглавленный: «Не всегда тащи из воды то, что там плавает!» Фельдман имел неосторожность спасти самую зловещую фигуру столичной бюрократии... Вот он! Тощий аскет с высоченным лбом мыслителя, за роговыми очками беспокойно блестят глаза, всегда гладко выбрит, нос острый, а рот широкий, как у лягушки, манеры и одежды – испанского инквизитора. Дополню: подбородок крючком, безобразные зубы. На старости лет женился, конечно, на молоденькой... взяточнице! У этого дикобраза, пихавшего Россию в дремучую тьму реакции, никогда не было времени. «Когда я совершенно изнемогаю от трудов, – говорил он, – у меня остается лишь один доступный мне способ отдыха. Я сажусь в поезд и еду в Москву, откуда тем же поездом возвращаюсь в Петербург, даже не вылезая из вагона. Так я отсыпаюсь за всю неделю...»

Победоносцев он в Синоде.

Обедоносцев при дворе.
Бедоносцев он в народе,
И Доносцев он везде.

Поздно вечером, когда Николай II катался на велосипеде по садику Аничкова дворца, из темных кустов выступила унылейшая фигура в долгополом пальто из вечно несносимого драпа. Император продолжал ехать по дорожке сада, едва вращая педали, вихляясь передним колесом в поисках равновесия, а Победоносцев настигал его, словно роковое видение из Апокалипсиса.

– Ваше величество, – бубнил он, – где ваши идеалы? Ох, нельзя ли ехать помедленнее? Я не успеваю за вами... Помните, что русский народ готов лобызать кнут, которым вы его наказуете. О-о, государь, вы даже не знаете, что все чаяния нашего народа издревле обращены к этому кнуту. Да, именно к отчему кнуту монарха... любой сын готов лобызать руку отца, поучающую его!

Призывы не пропали даром. Первый год царствования Николая II открылся брожением земских чинов в провинции. Во множестве приветственных адресов, поднесенных царю, земцы намекали на конституционные реформы. 17 января 1895 года царь положил в шапку очередную свою шпаргалку и вышел в Николаевскую залу, где толпились депутации – дворянские, земские, городские... Искося поглядывая в шапку, он обрушил на них вещие слова:

– Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для изъявления верноподданнических чувств. Но мне стало известно, что в последнее время слышны голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями... Пусть все ведают, что я, посвящая свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия столь же твердо и неуклонно, как и мой незабвенный родитель.

Оторвавшись от шапки, он закончил – с вызовом:

- Я говорю это громко и открыто!

При этих словах из рук тверского предводителя дворянства выпало золотое блюдо, со звоном покотившееся, хлеб разломился, а соль просыпалась. В довершение всего предводитель и царь одновременно бросились ловить крутящееся по залу блюдо и нечаянно треснулись лбами так, что у обоих искры из глаз посыпались.

К царю подошел Победоносцев – с упреком:

– Государь, а вы неправильно прочли то, что я для вас сочинил. Я же не писал бессмысленные, я писал несбыточные.

– Константин Петрович, простите – ошибся...

Бессмысленные или несбыточные – хрен редьки не слаще. Но голос самодержавия прозвучал на всю страну, и робкие надежды были похоронены от самого начала. В этом же году Департамент полиции подшил к делу первое пророчество, которое неведомо откуда стало распространяться в придворных кругах: **В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ БУДУТ НЕСЧАСТИЯ И БЕДЫ НАРОДНЫЕ, БУДЕТ ВОЙНА НЕУДАЧНАЯ, НАСТАНЕТ СМУТА ВЕЛИКАЯ, ОТЕЦ ПОДНИМЕТСЯ НА СЫНА, БРАТ НА БРАТА, НО ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ЦАРСТВОВАНИЯ БУДЕТ СВЕТЛАЯ, А ЖИЗНЬ ГОСУДАРЯ ДОЛГОВРЕМЕННАЯ.** Согласно преданиям, это пророчество исходило из глухой давности Саровской обители, затерявшейся в тамбовских дебрях Темниковского уезда. Автором его был купеческий сын Прохор Мошнин, который родился в разгар Семилетней войны, а умер уже после казни декабристов. В монашестве этот пророк звался Серафимом Саровским, и Николай II сразу же (и безоговорочно) проникся верой в его былую чудотворность.

– Мое сердце чувствует, – говорил он, – что именно этот саровский угодник станет моим всемогущим патроном.

Победоносцев в ответ кривил лягушачий рот:

– Доказательств святости Серафима в архивах Синода не сыскано. Ваше величество, лучше назовите мне свои идеалы...

Не станем думать, что у Николая II не было идеалов. Совершенно непонятно – почему, но этот идеал он обратил в прошлое Руси: император проповедовал при дворе культ своего предка – Алексея Михайловича (ошибочно названного в истории царем «тишайшим»). Зимний дворец бессмысленно копировал угасшее в веках царствование второго Романова! Граф Шереметев, видный знаток боярской старины, выступал в роли режиссера костюмированных балов, которые устраивались с азиатской пышностью. Николай II любил облачаться в древние бармы, а царица играла роль красавицы Натальи Нарышкиной. Придворные в одеждах московских бояр пили, морщась, дедовские меды и говорили: «Редерер все-таки лучше!» Вошли в моду «посиделки боярышень» – девиц и дам высшего общества. Подпевая своему властелину, министры перестраивали служебные кабинеты на манер старинных хором и принимали в них царя, сохраняя при этом неуклюжие формы этикета XVII века. Министр внутренних дел Сипягин, волоча по коврам подола боярских шуб (а в зубах – папирота «Континенталь»), воображал себя премудрым боярином Морозовым. В телефонных аппаратах странно звучали древние славянизмы: понеже, бяше, иже, поелику... Царю же эти спектакли безумно нравились. «Когда у меня родится сын, – говорил он, – я нареку его Алексеем... Алексей – человек божий, и это будет хорошо». Странное желание! Романовы как раз избегали именовать своих отпрысков роковым именем Алексея, за которым чудилась отрубленная в застенке голова несчастного царевича. Алисе же в русской истории, напротив, нравился не «тишайший» царь Алексей, а залитый кровью Иоанн Грозный. «Ники, – твердила она мужу, – вот с кого ты должен брать пример. Совсем не надо, чтобы тебя любили. Умные правители добиваются не любви в народе, а страха...» Тихое житие завершилось рождением дочери, которую нарекли Ольгой. Ребенок родился крупным, орущим, здоровым, и Николай II, исполненный лучших отцовских чувств, с удовольствием сам и купал девочку в ванне.

– Обещай мне, Аликс, – говорил он жене, – что в следующий раз ты принесешь мне Алексея... Нам очень нужен наследник!

Царица уже постигла сложность отношений среди романовской родни. Конечно, скандал в Ливадии еще не забылся, а клятва, данная Николаем отцу, оставалась в силе: Мишка подрастал как на дрожжах и... «Что будет, если наследник не появится к тому году, когда Михаил достигнет зрелого возраста?»

Скорее короноваться! В Москву, в Москву, в Москву...

В канун коронации был отпечатан на Москве особый плакат, извещавший народ, что 18 мая на Ходынском поле состоится народное гулянье с дармовым угощением. За городом выстроили сотни буфетов для раздачи узелков с подарками, выросли там дощатые бараки для разлива пьяницам водки и пива. Гостинец же от царя – диву даешься! – был совсем не богатым. В ситцевую косыночку завязывали обычную сайку, кусок колбасы, горсть пряников и коронационную кружку с гербом и датой (1896), чтобы о Николае навеки сохранилась в народе несъедобная память... Программа увеселений призывала люд московский к 10 часам утра, но голь и нищета тронулись к Ходынскому полю еще с вечера 17 мая. Ночь была, на беду, безлунной. На широком пространстве площади, изрытой ямами и оврагами, публика располагалась таборами, палила для обогрева костры, распивала шкалики. Толпа росла; напирая, она уже сбрасывала крайних на дно оврага – и сброшенные в овраг, как выяснилось впоследствии, оказались счастливцами. Вот и полночь! К этому времени, по данным полиции, на Ходынке собралось уже больше полумиллиона человек. Стояли плотно, как стенка. К трем часам ночи из спрессованной гущи людских тел послышались первые жалобы на тесноту. «Жалобы эти иногда переходили в рев, указывая на то, что в толпе уже гибнут люди...»²

Рассвет загорался над Москвою-рекой, медленно открывая страшную картину, которая доселе была погружена во мрак. «Над людскою массою густым туманом нависал пар, мешавший на близком расстоянии различать отдельные лица; даже в первых рядах люди обливались потом, имея измученный вид; иные стояли с широко раскрытыми, налитыми кровью глазами, у других лица были искажены, как у мертвецов; немолчно неслись предсмертные вопли, атмосфера же была настолько насыщена испарениями, что люди задыхались от недостатка воздуха и зловония». Рук было не поднять. А кто поднял руки раньше, тот уже не мог опустить их. Время от времени в облаках горячего тлетворного пара раздавался отчетливый треск – это у соседа ломалась грудная клетка.

Светлело...

Иногда путем невероятных усилий удавалось поднять над толпою обеспамятевших женщин. «Они перекатывались по головам до линии буфетов, где их принимали солдаты». Дети же, «взобравшись на плечи соседям, по головам толпы легко добирались до свободного пространства». Множество трупов стояло посреди толпы, не падая. «Народ с ужасом старался отодвинуться от покойников, но это только усиливало давку». Словно в издевку, хулиганы забрались на колокольню (построенную для проигрывания финала оперы «Жизнь за царя»), и над умирающей толпой, глумясь над ее страданиями, разнесся неслышанный радостный перезвон.

Так было...

Полиция растерялась. Присутствие духа сохранили только солдаты и офицеры полков, наряженных для оцепления. Нарушив программу, они решили раздарить царские гостинцы не в 11 часов дня, а в 6 утра. При криках «ура, дают!» толпа смяла барьеры и ринулась на буфеты

² Здесь и далее по тексту фразы, взятые в кавычки, я цитирую из показаний свидетелей ходынской катастрофы, которые мало известны нашим читателям.

с удвоенной силой. При этом «мертвецы двинулись заодно с живыми...». Получив узелок и кружку, люди выдирались из толпы «оборванные, мокрые, с дикими глазами; многие тут же со стоном падали, другие ложились на землю, клали себе под голову царские гостинцы и умирали». Чтобы хоть как-то разрядить толпу, раздавальщики стали швырять гостинцы по сторонам – куда попало, кто поймает... Врачей не оказалось на месте. Не было и воды – людей, потерявших сознание, солдаты, не скупясь, обливали дармовым пивом. Вся местность вокруг Ходынского поля тоже была завалена мертвецами. Люди спешили прочь, забирались в кусты и здесь умирали. Иные, правда, сумели дотащиться до дому, где ложились и уже не вставали. «После того как схлынула толпа, на поле, кроме трупов, оказалась масса шапок, шляп, зонтиков, тростей и башмаков», находили здесь господские цилиндры, даже золотые часы купцов. Многие вырвались чудом, но... голые («за них цеплялись упавшие и в борьбе за жизнь обрывали их платье и белье»). А вырваться было почти невозможно: «Один из потерпевших, оставшись в живых, лежал на 15 трупах, а поверх него громоздились еще 10 человеческих тел...»

Итог «гулянья» таков: на поле Ходынском полегли замертво, как в битве, тысячи несчастных. Руководство «праздником» лежало на московской полиции, бывшей в подчинении царского дяди Сергея Александровича. Конечно, начались поиски мифического стрелочника, который всегда и за всех виноват!

Батальоны фотографов, словно стрелки при осаде города, целились изо всех углов и щелей, отстреливая кадр за кадром сцены средневекового спектакля. Особо выделенные живописцы разводили на палитрах желть с белилами, дабы «схватить» на холсте ослепительный блеск мундиров и драгоценностей. Коронация проходила в благолепии, и, конечно же, в храме божием никого не помяли, никто не пищал и не выскакивал на улицу голым. Вот только митрополит Палладий малость подкачал. Будучи от природы картавым, он, вместо «какая радость» провозгласил с амвона трубяще:

– Какая гадость осеняет нас в этот волшебный миг...

Ляпнул и сам испугался! Николаю II уже вручили регалии его власти – державу и скипетр. Шесть натренированных камергеров поддерживали соболью мантию императора. Согласно ритуалу Николай II чинно следовал к алтарю, где над ним должны свершить обряд помазания на царство и возложить на него корону. В этот-то момент лопнула бриллиантовая цепь, на которой держался орден Андрея Первозванного, и упала к ногам. Воронцов-Дашков быстро нагнулся и спрятал цепь с орденом к себе в карман.

Николай II, сильно испуганный, шепнул камергерам:

– О том, что случилось, прошу молчать всю жизнь...

Коронацию сопровождала пышная череда великолепных обедов и балов. Но ходынская катастрофа ужаснула всех! Умные люди убеждали царя удалиться на время в монастырь, дабы народ видел его скорбь. Некоторые настаивали на строгом наказании виновных, дабы суда не избежал и дядя царя Сергей, которого народная Москва уже прозвала «великим князем Ходынским».

Вдовая императрица, потрясенная, говорила сыну:

– Короноваться на крови – дурная примета. Будь же благоразумен, Ники, и отмени хотя бы ненужные празднества.

– Конечно, Ходынка – большое несчастье, – отвечал сын почтительно. – Но ее всем нам следует игнорировать, чтобы не омрачать праздника. Не хотел бы я, мама, огорчать и дядю Сережу!

В этом решении царя мощно поддерживал Победоносцев:

– Народа никто и не давил – он сам давился, а публичное признание ошибки, совершенной членом императорской фамилии, равносильно умалению монархического принципа...

Как раз в день катастрофы был назначен бал у французского посла Луи Монтебелло; богатый человек, владелец знаменитой фирмы шампанских вин, маркиз денег не пожалел; на дом к нему свезли деревья из ботанического сада, столы для пира украсили живыми цветами. Музыканты уже продували мундштуки инструментов, когда маркиз сказал стареющей красавице маркизе:

– Я вот думаю, моя прелесть, не напрасно ли мы тратились? Как-то не хочется верить, что император навестит нас сегодня. Ходынка напомнила мне случай из нашей истории. Когда Людовик XVI бракосочетался с этой отвратной венкой, в Париже тоже устроили подобное гулянье с дармовым угощением, а закончилось оно эшафотом! Теперь меня терзает аналогия: не есть ли эти катакомбы трупов Ходынки предзнаменование новой революции – русской, способной заново потрясти весь мир, и тогда короны посыплются на мостовые Европы, словно дешевые каштаны...

Он был умен, этот маркиз! Но тут явился граф Воронцов-Дашков, и хозяева услышали от него, что император с женою уже выезжают из Кремля – сейчас явятся. «Все ли у вас готово к танцам?»

– Странно, – хмыкнул Монтебелло в сторону жены. – Русский властелин желает сплясать мазурку на трупах... Что ж! История, как мы знаем, прощает кесарям немало ошибок, но подобных – никогда... Ага, вот они уже подъезжают!

Бал начался старинным контрдансом. Его открыла молодая царица, подавшая руку в серебристой перчатке французскому послу; за ними в чопорный жеманный круг вступил Николай II, бережно несший в своей руке руку маркизы Монтебелло в сиреневой перчатке. В улыбках, которые источали направо и налево «помазанники божии», было что-то порочно-неестественное...

Кое-кто из свиты жестоко напился в посольском буфете.

– Ходынкой началось – Ходынкой и кончится!

Этой фразе суждено стать исторической...

Газета «Новое Время», описывая торжества, в том месте, где говорилось, что на главу царя была возложена корона, допустила опечатку: вместо корона напечатали слово ворона. Впрочем, газета быстро поправилась, предупредив читателя, что вместо ворона следует читать... корова! Виноватых не нашли.

9. Первые призраки

Фабрика по производству богов всегда размещалась на земле... Там, где ждут чуда, пути логики уже немыслимы, а все здоровое кажется губительным. Лучшей частью русского народа царица сочла монахов, странников и юродивых. Среди иерархов церкви – да! – встречались яркие самобытные личности с философским складом ума. Но они-то как раз и не нужны были ей. К чему ясная людская речь, если дикие вопли всегда звучат откровеннее?

Мы начинаем приближаться к распутинщине...

Осенью 1896 года открылась «Русская неделя» во Франции, Париж ждал царя и царицу. Тайная имперская полиция предупредила все каверзные случайности: заграничанину возглавлял тогда матерый «следопыт» Петр Иванович Рачковский, сделавший все, чтобы чете Романовых ничто не угрожало в Париже.

Французы обновили форму и ливреи, специально для встречи царя в Булонском лесу был выстроен Новый вокзал. Феликс Фор, пылкий президент Франции, даже изобрел для себя особый костюм: жилет из белого кашемира с золотым галуном, кафтан голубого атласа, расшитый дубовыми листьями, желудями, нарциссами и анютиными глазками; шляпу он украсил петушиным хвостом! В самый последний момент его уговорили облачиться в строгий фрак, как и подобает суровому республиканцу. Казалось, что в русско-французской дружбе наступил апофеоз. Около миллиона провинциалов нагрянули в Париж, на пути следования царского кортежа места возле окон продавались за 20 франков. Николай II с супругою ехали по авеню Елисейских полей в открытом ландо, императрица держала на коленях маленькую Ольгу, их сопровождал почетный эскорт – из одних спагов в ярко-малиновых бурнусках. Французы перестарались! Они не учли того, что русский народ подобных восторгов царям никогда не выражал, и теперь император с женою были совершенно уничтожены вулканической стихией галльского темперамента. «Когда во дворе русского посольства за ними закрылись ворота, они испытали чувство облегчения, какое знакомо моряку, укрывшемуся в порту после шторма в открытом море». На гала-представлении в парижской опере царь возмутился овацией публики.

– Это просто хамство! – говорил он. – Отчего они хлопают так, будто мы, Аликс, вульгарные заезжие гастролеры.

Царица испуганно забилась в дальний угол ложи.

– В таком гвалте, – отвечала она, – в нас могут бросить бомбу, и никто даже взрыва не услышит... Надо спасаться!

Царице стало мерещиться, будто революционеры хотят укокошить ее именно здесь – в шумном Париже. Однажды среди ночи с улицы послышался взрыв праздничной петарды.

– Полицию сюда! Нас убивают... где же полиция? Что за паршивый город Париж – на улицах ни одного шупо!

Явился сам парижский комиссар полиции Рейно, заставший императрицу в ночном пеньюаре, она с ногами забилась в кресло.

– Спасите меня, – скулила она, сжавшись в комок...

Рейно понял, что перед ним (увы, это надо признать!) плохо воспитанная женщина с расшатанной нервной системой. Скоро это поняли и французы: на смену активным восторгам пришло оскорбительное равнодушие. В следующем году царская чета должна была присутствовать на маневрах французской армии в Шампани, но Александра Федоровна твердо заявила супругу: «Надеюсь, Ники, ты не дашь убить меня в Париже!» Был страшный шторм,

когда они высадились в Дюнкерке, и здесь Романовы проявили самое натуральное свинство. Прибыв в страну с дружеским визитом, они отказались от посещения столицы. Впрочем, на этот раз парижане их и не ждали: никаких флагов и лампионов, никаких петард и оваций! Во время случайной остановки в Компьене императрица вдруг... скрылась. Ее нашли в каком-то грязном чулане, среди старых бочек, за которыми она пряталась, вся трясаясь от страха.

– Не подходите ко мне! – взвизгнула царица. – Я знаю, что все хотят моей смерти... Увезите меня во Фридрихсбург!

К этому времени она была уже матерью двух дочерей – Ольги и Татьяны. Наследник не появлялся, отсутствие сына ввергло Романовых в подлинную меланхолию. А случайная остановка в Компьене сыграла роль – именно здесь к царице явился первый предтеча мессии, которого она не уставала ждать!

Рождение третьей дочери Марии совпало по времени с кончиною в Абастумане Георгия, а младшему брату царя Михаилу как раз исполнился 21 год – Мишка вошел в тот возраст, когда Николай II обязан был передать ему свои регалии власти. Правда, император делал вид, что никаких обещаний в Ливадии не давал. Но брат официально (!) был объявлен в стране НАСЛЕДНИКОМ ПРЕСТОЛА – и он будет им до тех пор, пока у царя не появится сын...

– Нам нужен Алексей, – со значением говорил Николай II.

А когда в Компьене императрица заболела манией преследования, к ней под видом врача проник уроженец Лиона по имени Низьер Вашоль. Ампула мага и чародея мало соответствовало внешности типичного буржа: уже немолод, лысоват, большие карие глаза, проникающие в душу, а на толстом мизинце – громадяющий перстень, фальшиво всех ослепляющий.

– Впрочем, – сказал он ради приятного знакомства, – меня в Европе знают за «Филиппа»... Почему псевдоним? Но я же не просто врач, а творческий человек... почти артист!

Пошлость иногда способна заменять мудрость, а нахальство исключает всякую церемонность. Вашоль-Филипп (отдадим ему должное) был человеком смелым. Он дал понять, что воздействию его пассов поддаются именно женские немощи, при этом загадочно намекнул, что умеет управлять развитием плода во чреве матери. «Расслабьте свои чувства, – диктовал он. – Я должен без напряжения проникнуть в потаенный мир царственной красавицы. О-о, как горяча ваша рука... Чувствую зарождение мужского импульса в вашем божественном теле. Будет сын!» Алиса, как это и бывает с истеричками, легко поддавалась внушению чужой воли, затем она сразу успокоилась и на маневрах в Шампани была даже радостно оживлена. Когда лава французской кавалерии сорвалась в атаку, посреди плаца заметалась жалкая фигурка человека, которого вот-вот сомнут и растопчут в неукротимом набеге конницы. Императрица, стоя на трибуне для почетных гостей, подняла к глазам бинокль и воскликнула – уверенно:

– Но это же... Филипп! Человек, сошедший на землю святым духом, не муравей, чтобы жалко погибнуть под копытами.

Вашоль-Филипп перебрался в Петербург – поближе к золоту. В кругу царской семьи его называли по-английски dear Friend (дорогой друг). Человек беспардонной проворности, он сумел в русской столице сыскать массу поклонников. Вместе с дядей царя Николаем Николаевичем «вертел столы», а сеансы спиритизма в доме барона Пистолькорса создали ему славу чуткого медиума... Страх перед грядущим бросал властелинов в грубейший фанатизм, настоящий на острой закваске сладострастия. Это был наркоз, и Александра Федоровна с удовольствием отдавалась воздействию таинственных пассов. Филипп внушал ей, что она несет в себе наследника! Императрица сбросила корсет; на интимном языке она всегда выражалась грубоиносказательно: «Прошел уже месяц, – призналась мужу, – а инженер-механик Беккер не наве-

стил меня. Мой дорогой, я отправляюсь в девятимесячное плавание. Заранее поздравь меня с Алексеем...»

Но родила четвертую дочь, названную Анастасией.

– Где же наследник? – рыдала императрица...

Вашоль-Филипп оправдывался, что он не виноват:

– Мои пассы слабо влияют на вашу сущность, ибо в момент зачатия я нахожусь вдали от вас и не могу сосредоточиться...

Шарлатана ввели в императорскую опочивальню, где в ослеплении иконных ликов, мигавших во мраке лампадными огнями, стояли две гигантские кровати под пунцовыми балдахинами. Рядом с царской постелью водрузили ложе для «дорогого друга». Мораль была растоптана! То, что люди обычно тщательно прячут от других, «помазанники божии» производили при свидетеле.

– Наш dear Friend, – призналась императрица мужу, – оказался прав: его пасы уже во мне... Поздравь: это – Алексей!

Фрейлины первыми заметили, как она потолстела (они явно ей льстили). Напрасно лейб-акушер Дмитрий Оскарович Отт³ хотел вмешаться в течение беременности – императрица врача до себя не допускала. Время шло, и настал девятый месяц. Николай II официально заверил двор, что вскоре следует ожидать наследника. В поисках тишины Алиса перебралась в Петергоф, за ней тронулись и лейб-медики. Все ждали, когда залпы пушек с петропавловских кронверков возвестят России о прибавлении к дому Романовых...

Настал десятый месяц. Вот и одиннадцатый!

– Что-то стряслось в природе, – посмеивались врачи.

Профессору Отту подобная галиматья надоела. Он стал настаивать перед царем, чтобы его допустили до клинического осмотра.

– Но императрица – не баба, чтобы ее осматривали!

– Ваше величество, – дерзко отвечал Отт, – но я ведь гинеколог, а для нас все царицы такие же, простите, бабы...

Осмотр закончился скандалом.

– Вы и не были беременны, – буркнул Отт императрице. – Это вам внушили разные придворные негодяи...

Николаю II пришлось опубликовать официальное сообщение, что беременность императрицы оказалась ложной. Канониры крепости с матюгами разошлись от пушек. Из текста оперной феерии «Царь Салтан» цензура немедленно выбросила пушкинские строчки:

Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь,
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку...

В народе ходили слухи, что царица все же родила, но родила чертенка с рожками и копытцами и царь сразу же придавил его подушкой. Как раз в это время книгоиздательский комбинат И. Д. Сытина выпустил колоссальным тиражом календарь для народа с красочной картинкой: нарядная пейзажная тащит лукошко на базар, а в лукошке – четыре розовых поросенка... Цензура всполошилась:

– В четырех поросятах, несомых на продажу, народ русский способен зловердно усмотреть четырех дочерей нашей императрицы...

³ Д. О. Отт (1855–1929) – позже плодотворно работал при Советской власти; на базе Повивального института, основанного Оттом, был создан при его участии Акушерско-гинекологический институт Академии медицинских наук СССР.

Вывод один – конфисковать весь тираж! Под нож его, на костры. А календари уже пошли в продажу. Полиция сбилась с ног:

– Эй, мужик, кажи календарь... с поросятами нельзя. Потому как народ нынче вредный пошел, а поросята не твоего ума дело!

Никто так и не понял тогда, отчего бедных поросят постигла столь жестокая кара. В чем они, хрюкающие, провинились?

Тем временем Рачковский, находясь в Париже, раздобыл о Филиппе такие сведения, что сыщик даже не рискнул доверить их дипкурьерской почте посольства. Рачковский сам прибыл в Петербург и направился с рапортом не в Зимний дворец, а прямо к министру внутренних дел Сипягину, который встретил его сидящим возле камина. Нехотя он буркнул, что готов слушать.

– Низьер Вашоль, именующий себя Филиппом, прожженный мерзавец, который судом Лиона уже не раз привлекался к уголовной ответственности за мошенничества и подлоги. Он выдает себя за врача, на самом же деле (не угодно ли взглянуть?) вот справка из Франции, коя говорит, что он всего-навсего ученик... мясника! Его профессия – делать колбасы и шпиговать сосиски.

– Ну и что? – нахохлился Сипягин, глядя на пламя.

– Вашоль-Филипп, – продолжал Рачковский, – выдает себя за француза... Это неправда! Он является активным членом тайного «Гранд-Альянс-Израэлит» – центра международной организации сионистов, финансовые щупальца которой уже охватили весь мир. С его помощью сионизм проник туда, куда невхожи даже вы...

– К чему вы клоните? – спросил министр.

– К тому, что такое ненормальное положение чревато опасностью для Русского государства. Не исключено, что иностранные разведки станут и впредь использовать для проникновения ко двору мистическую настроенность нашей государыни императрицы...

Сипягин показал глазами на пламя в камине:

– Вот мой добрый совет – бросьте свое досье сюда, я как следует размешаю кочергой, и пусть его никогда не было...

Рачковский поступил иначе – пошел ко вдовой императрице Марии Федоровне и вручил ей досье на Вашоля-Филиппа.

– Спасибо, Петр Иванович, – ответила царица-мать. – Я уже слыхала, что «не все благополучно в королевстве Датском», как говаривал мой соотечественник принц Гамлет... Мне бывает тошно от сарданапаловых тайнств в спальне моего сына. Ладно! Еще раз – благодарю. Я передам это сыну. Лично в руки ему...

Финал истории был таков: Рачковского выперли со службы – без пенсии! Презрев своего агента, Николай II, напротив, решил возвысить Филиппа, который обрел такую силу, что уже начинал вмешиваться в дела управления государством. «Ваша супруга права, – внушал он царю, – русская нация способна понимать только кнут. Секите же этих скотов!..» Дворцовый комендант Гессе, вступаясь на защиту Рачковского, хотел было «открыть царю глаза» на шарлатанство Вашоля, но император велел ему молчать.

– Петр Павлович, – сказал он генералу, – я ведь не лезу в ваши домашние дела, так будьте любезны не вмешиваться в мои!

Царь обратился в Военно-медицинскую академию, дабы ученый совет присвоил Филиппу степень доктора медицинских наук.

– А где диплом этого господина? – спросили ученые люди.

Диплома не было. Зато была справка, утверждающая, что Филипп является подмастерьем лионского колбасника. В обход комитета ученых научную степень Филиппу присудили от

имени Военного министерства – этот факт целиком лежит на совести генерала Куропаткина! Николай II заодно уж присвоил проходимцу и чин действительного статского советника, что дало право Вашолю-Филиппу появляться в свете облаченным в мундир генерал-майора медицинской службы... После чего, получив подъемные от царя, он собрал все нахапанное в России – и поминай как звали!

Но тут раздался...

10. Звериный рык

Вот и великий пост в Александро-Невской лавре. Господи, спаси ты нас, грешных, и помилуй... Архимандрит Феофан, магистр богословия и ректор Духовной академии, боялся оскоромиться, а потому стол его был аскетически скромнен. Сначала он пропускал рюмочку смородиновой, на закуску же – грибки, сиг копченый, балык и розовые ломти семги. Затем (уже под коньяк) лилась янтарная уха из волжской стерляди, а к ней подавалась кулебяка с енисейской визигой. В конце сладкое – муссы и бламанже.

– Ну-с, – сказал владыка, безгрешно насытившись, – так дело дальше не пойдет. До чего мы дожили! Русская земля исстари царям святых чудотворцев поставляла. А ныне... что творится?

Вашоль-Филипп уже не вернулся, но прислал в Петербург своего ученика, хитрого еврея Папюса (настоящая фамилия – Анкосс), который вовлек царя в беседу с духами умерших самодержцев. Царицу угнетал гипнозом сомнительный профессор Шенк из Вены, а тибетский знахарь Джамсаран Бадмаев подкармливал Николая II возбуждающими травками... От этого в Лавре было большое смятение.

– Нешто обедняла земля русская, от Византии свет получившая? – вопрошал Феофан у клира. – Кудесники на Руси всегда под ногами словно камни валялись: бери любого – не надо!..

Сообща было решено поставлять в Зимний дворец своих агентов. Первым проник к царице митрополит Антоний (Храповицкий), в прошлом блестящий офицер гвардии, свободно владевший многими языками. Это был вполне светский человек, остроумный собеседник с ядом раблезианства на устах. Церковный штаб просчитался! Александра Федоровна совсем не нуждалась в утонченных риториках. Духовенство моментально отреагировало на свой тактический промах и, отыскивая нужный товар, быстро-быстро, как мусорщик помойную яму, перекопало весь внутренний рынок гигантской империи. Скоро по Питеру пошел слух, что в глубинных недрах матери-России объявился отрок святой жизни, который уже прорицает. Флигель-адъютант князь Николенька Оболенский доложил царице:

– Как козельский помещик, могу засвидетельствовать, что истинно дух божий сошел на отрока. Посудите сами: княгиня Абамелик-Лазарева, моя соседка по имениям, никак не могла, пардон, понести. Отрок заверил ее, что сын будет, и сын... явился!

– Хочу видеть отрока, – сразу напряглась императрица.

Митька Благов, он же Козельский, он же Блаженный, он же и Коляба... Называют его по-разному – кому как нравится!

Отрок сей паспорта отродясь не имел, родителей не ведал, в детстве ползал, а когда подрос, то ловко бегал на четвереньках. Позвоночник имел искривленный, а вместо рук – обрубки. «Его мозг, атрофированный, как и члены его, вмещал лишь небольшое число рудиментарных идей, которые он выражал гортанными звуками, заиканием, мычанием, визжанием и беспорядочной жестикуляцией своих обрубков». На деревенском празднике, развеселясь, мужики ушибли убогого чем-то тяжелым – с тех пор и началась громкая Митькина слава: стал он подвержен падучей. Во время припадков блажил он что-то, людей пугая. Лечили его знахари канифолью, служащей для натирания смычков скрипичных. Так бы, наверное, и захирела Митькина слава в скромных масштабах Козельского уезда, если бы не один человек, осиявший его венцом знаменитости...

Вот он: Елпидифор Кананькин – псаломщик церкви села Гоева; мужу сему выпала честь обнаружить великий смысл в речениях Митькиных как раз в те критические моменты, когда

его корчит падучая. Но даже Христофор Колумб не имел столько же выгод от открытия Америки, сколько имел их наш грозный Елпидифор, открывший в Митьке глубокий кладезь премудрости... Мужик здоровущий, вечно несытый, Кананыкин был умудрен громадным житейским опытом и потому стал блажения отрока расшифровывать – очень точно:

– Тихо! Ша... о церкви лает... быть пожару!

И верно: ночью занялась церквушка и пошла прахом, одни головешки остались. Хочешь не хочешь, а надо верить, что на Митьку и впрямь «накатывает» дар божий. Теперь, коли Митьку сгибало в дугу посередине деревенской улицы, суеверные мужики и бабы обступали его стенкой, выкликая вопросы и просьбы:

– Продать мне пеструшку или на отел оставить?

– Ванюшку-то, скажи, долго ль в солдатах держать будут?

Елпидифор стихийного беспорядка не потерпел.

– Это по какому праву? – бушевал он. – Митька-то мой, я же ведь блажь его толковать уразумел... Рразойдись! Или закону не знаете? Вот я аблакаты на вас спущу... Сначала вопрос подай мне, а уж я сам нужное у Митьки выведаю и перетолмачу обратно. Брать за блажь буду холстинами, деньгами и яйцами.

Посадив Митьку на тачку, Кананыкин повез его по деревням на платные гастроли. Вот когда житуха настала! Зажил псаломщик – кум королю: бабы его оделяли чем могли, и в новой роли антрепренера отъелся наш Елпидифор, купил сапоги себе и рубаху новую. Только вот беда: случается, день-два-три, а Митька здоров, проклятый... не кидает его в приступ, не «накатывает»! От Митькиного здоровья большие убытки терпел Кананыкин.

– Ты што ж это, а? – шипел он на Митьку в благородной ярости. – Я тебя, знаешь-понимашь, по всей губернии, быдто хенерала какого, на тачке катаю. Я тебе, огузнику, вчера конфетку в бумажке купил. А ты, скважина худая, от самой пятницы даже не покорчился. Сплошной убыток, а где доходы? Разорюсь я с тобой...

Однако вскоре Елпидифор заметил, что если Митьке надавать тумачков побольше, то припадочки с ним случаются чаще. Теперь, подвозя блаженного к богатому селу, Кананыкин еще за околицей устраивал своему протеже хорошую взбучку. А когда подкатывали к сельскому храму, Митька уже начинал биться в жестокой эпилепсии... Юродивый имел теперь немало губернских заказов, и Кананыкин едва успевал расшифровывать его мычания и визжания:

– Бабу свою не жалея – помрет вскорости, тащи льна... На станцию с огурцами не езди – обворуют там тебя, гони двугривенный. А ты, девка с пузом, не плачь – солдат свое дело сделал и назад не воротится, с тебя дюжина свежих яицек...

Так и катилась роскошная жизнь – знай толкай перед собой тачку с припадочным идиотом, но тут вмешалась полиция:

– Стой! Кажи вид... Ага, псаломщик Кананыкин из села Гоева? Так-так... Впрочем, ты нам не нужен. Велено убогого Митьку из козельских мещан взять от тебя и доставить к ея императорскому величеству. А тачку забира! Про тачку ничего не велено...

Тут Елпидифор понял, что без Митьки он пропадет.

– Родные мои! – закричал он, на колени падая. – Да без меня-то ведь царица ни хрена не поймет от убогого.

Заявление Кананыкина подвергли критике:

– Ну, так уж и не поймет? Что она, дура какая?

– Христом-богом клянусь, вот те крест на себе целую... Митька ведь протоколы свои только для меня пишет!

Словно подтверждая эту святую истину, Митька выпал из тачки и, дергаясь, начал «писать протоколы» для Кананыкина.

– Чего это с ним? – удивились чины полиции.

– Прорицает! Речет от бога, чтобы нас не разлучали...

Елпидифора с Митькой посадили в вагон первого класса и научили, как надо пользоваться уборной вагонного типа: «Ты когда все соорудишь, дергай вот эту ручку. Смотри же, не дерни другую – это стоп-кран, тогда поезд остановится!» Было Елпидифору жутко и сладко от предвкушения будущего. Всю долгую дорогу до Петербурга, чтобы Митька не потерял спортивную форму, Кананыкин устраивал ему хорошие тренировки – бац в ухо, бац в другое, пригрел слева, приласкал справа... При этом говорил:

– Ты уж меня не подведи... постарайся!

Вот и Царское Село; первым делом приезжих отвели в гарнизонную баню, вывели им вшей. Митьку приодели в зипун, а Елпидифора, соответственно его сану, в подрясник. Взявшись за тачку, Кананыкин с грохотом покатил ее в покои царицы, а Митька махал своими культиками и пускал пузыри, словно младенец.

– Ишь, как тебя разбирает-то! – говорил Кананыкин. – Понимаешь ли, башка твоя дурья, до чего мы с тобой докатились?

А теперь, пока Елпидифор везет свою тачку, мы возьмем громовой заключительный аккорд. Я нарочно не говорил читателю раньше, что императрица была вполне образованной дамой. Еще в юности она прослушала курс лекций по философии и даже имела научную степень доктора философии Гейдельбергского университета.

Внимание, читатель! Двери распахнулись, и, визжа несмазанным колесом, в покои «доктора философских наук» отважный козельский антрепренер вкатил тачку с новоявленным чудотворцем...

– Вот мы и добрались, – сказал Елпидифор, чувствуя, что в этот момент он достиг горных высот блаженства.

Митька для начала издал легкое игривое рычание – вроде многообещающей увертюры, когда занавес еще не поднят.

– Это что с ним? – спросила царица. – О чем он?

– Деток повидать желает. Он у меня бедовый. Лимонад любит. Я ему, бывалоча, покупал... тратился! Как сыну. Куплю, а он все слакает и мне даже капельки не оставит.

Дали Митьке бутылку «Аполлинарису», привели царевен – Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию (последнюю принесла на руках нянька Ленка Вишнякова). При виде множества девочек Митька, не допив шипучих вод, дико возопил.

– А сейчас он что сказал? – спросила Алиса.

– Это он чаю с повидлой хочет, – перевел Елпидифор. – Говорит, чтобы нам кажинный божиный день по баранке к чаю давали...

Описывая психопатку с солидным дипломом доктора философии, я невольно теряюсь, ибо не могу понять ее логики. Мне остается взять на веру лишь показания очевидцев. Со слов их я знаю, что беременная императрица целых четыре месяца подряд присутствовала при ужасных припадках эпилептика. Сейчас ее волновал вопрос – кто родится, неужели опять не сын?

– Ммм... rrrrrры-ы-ы-к... у-у-ы-ы... – завывал Митька.

Понятно, что псаломщик Кананыкин (психически вполне здравый стяжатель) вылезать из дворцовых покоев не желал. А потому, дабы продлить полезное пребывание на царских харчах, хапуга толковал Митькины вопли туманно, явно затягивая время:

– Погоди еще месячишко, он тебе потом все откроет! Да не забудь указать, чтобы мне драповое пальтишко справили...

Митька причащал царскую чету своеобразно: пожует «святые дары», а жвачку выплевывает в раскрытый рот Николаю II и его супруге. Если уж говорить честно, то Митькины манеры

иногда были при дворе утомительны. С детства не приученный посещать клозеты, он, мягко выражаясь, раскладывал кучи по углам. Пойдет фрейлина – и вляпается туфлей! Хотя наклали и «блаженный», но все-таки, согласитесь, не очень приятно... Что же касается Кананыкина, то он, дабы пророческий источник в Митьке не иссякал, ежедневно лупил его смертным боем. Бледная, взвинченная от внутреннего напряжения, с расширенными глазами, вся в мелком холодном поту, Александра Федоровна с неестественным вниманием наблюдала, как возле ее ног катался эпилептик. На губах Митьки, словно взбитый яичный желток, вскипала пузырьчатая пена...

Эту пену пронизало розовым цветом – кровь!

Кананыкин перетолмачивал звериное рычание:

– Тока не пужайся! Родишь кавалера, верь. Да передай хенералам своим, штобы мне на пошив сапог они хрому от казны выдали...

В один из таких «сеансов» с Алисой тоже начался припадок – истерический. Теперь на полу катались уже двое – эпилептик, весь в мыле, и закатившая глаза императрица в голубеньком капотике. На почве сильного потрясения случились преждевременные роды. Держать «пророка» при дворе далее не решились. Гастрологов на казенный счет выслали обратно в козельские палестины. Едва их запихали в тамбовский поезд, как Елпидифор сразу же, без промедления, засучил рукава подрясника.

– Жили при царях, как мухи в сахарнице. Такую жисть потерять – второй раз не сыщешь. Ты виноват... Ну, держись теперича!

Всю дорогу, под надрывные крики паровоза, Кананыкин вымещал на Митьке злобу за горестный финал своей завидной придворной карьеры. В конце концов он так измолотил своего протеже, что Митька не выдержал. Хотя количество «рудиментарных идей» в его башке было строго ограничено, но их все же хватило для понимания того, что надо спасаться. Ночью, когда паровоз брал воду на станции, Митька навзничь вывалился из вагона на землю. Поезд тронулся, разбудив Елпидифора, обнаружившего ценную пропажу.

– Митя-а-а... где ж ты, соколик ясный? Не погуби. Я тебе конфетку куплю. Кажинный день по бутылке лимонаду давать стану. Без меня-то где встанешь, где ляжешь? Пропадешь ведь, стерва...

Митька, однако, не пропал. Нашлась добрая душа, сжалилась над убогим, врачи вернули Митьке слабое подобие человеческого облика, с четверенок его водрузили на ноги, в мычании юродивого стали проскальзывать внятные слова. Митьку сначала пригрела Почаевская лавра, откуда его занесло в Кронштадт, а потом он вновь оказался в столице, где содержался в клинике доктора Бадмаева на субсидиях Александро-Невской лавры как могучий духовный резерв православных клерикалов...

Судьба же его грозного наставника Елпидифора покрыта мраком неизвестности, и босоногая муза истории Клио при имени Кананыкина лишь разводит руками – сама в полном неведении.

«Духовная партия» еще не раз поставляла Дворцу своих агентов. Были тут Вася-странник, Матренушка-босоножка, была и Дарья Осипова, которая пророчила больше матюгами, специализируясь на лечении баб («чтобы у них детки в пузе держались»). Эту вечно пьяную старуху поставил ко двору блистательный наркоман – генерал Саня Орлов, на которого царица посматривала с вожделием.

Много тут было всяких! Но все не то. Не то, что нужно. Они ведь только предтечи мессии... А где же сам мессия?

11. Явление мессии

«В конце 1902 года, в ноябре или декабре месяце, когда я, обучаясь в С.-Петербургской Духовной академии, деятельно готовился к принятию ангельского образа – монашества, среди студентов пошли слухи о том, что где-то в Сибири, в Томской или Тобольской губернии, объявился великий пророк, прозорливый муж, чудотворец и подвижник по имени Григорий...» – так вспоминал о Распутине громоподобный иеромонах Илиодор, умерший в Нью-Йорке на 10-й авеню Ист-Сайда, где селилась беднота русских и украинских эмигрантов. Мечтавший создать на Руси православный Ватикан, чтобы играть в нем роль русского папы, Илиодор закончил жизнь швейцаром при открывании дверей богатого отеля. Владелец отеля ценил его за могучую грудь и роскошную бороду, а вступающих в отель избалованных туристок поражал жалящий, почти змеиный взор швейцара, пронизывающего женщин насквозь... Смелой рукою ввожу в роман героя, который станет одним из главных!

Кончились те примитивные времена, когда гоголевский семинарист Хома Брут, не изнурия себя гомилетикой, пил горилку, а по ночам лазал в окошко хаты, где жила прекрасная Дульцинея-просвирня. Хома Брут кажется нам существом наивнейшим. А теперь – о, ужас! – «в духовных академиях проектируется учредить специальную кафедру по предмету обличения социал-демократической доктрины». Первый удар был нанесен по русским писателям: «Все знают, – вещали с кафедры Академии, – что писатели наши не столько писали, сколько блудили и пьянствовали. Белинский получил чахотку оттого, что ночи напролет резался в карты. Герцен, Тургенев и Михайловский потеряли здоровье в сожительстве с чужими женами. Некрасов и Лев Толстой – два златолюбца, которые других совращали на путь нищенства. Один мало-рос Гоголь еще так-сяк, да и тот умер, изнузив себя онанизмом...» Нет, читатель, семинарии не были тогда скопищем оголтелой реакции! Из числа семинаристов вышло немало революционеров, ученых и певцов, а начальство давно привыкло, что стенки в уборных разрисованы карикатурами «на Николашку и Сашку», семинаристы ножами вырезали на скамьях вещице слова: «Долой самодержавие!» Предчуя скорую революцию, высшее духовенство соблазняло будущих пастырей на путь активной борьбы с пролетариатом. Иерархи церкви выискивали среди молодежи талантливых и беспринципных демагогов...

Сущей находкой для Синода стал Серега Труфанов!

Фигура историческая. Донской казак. Собою красавец.

Парень с гривою волнистых волос, каким бы позавидовала любая женщина. Усы и бородка редкие, будто у калмыка. А глаза – как у водяного лешего, эдакие ярко-зеленые глубокие омуты.

Антоний (владыка синодский) сказал Труфанову:

– Вот станешь попом, дадут приход, так даже страшно помыслить, что будет. Налипнут на тебя бабы, как мухи на патоку!

Но Труфанов был склонен к аскетизму – редкое явление по тем временам, и Феофан, ректор Академии, стал заранее выдвигать студента – как нового апостола церкви, который должен заменить Иоанна Кронштадтского, издыхающего от неумеренного потребления хересов. По рукам семинаристов ходила тогда крамольная картинка. Был изображен стол, полный яств, а вокруг стола пируют тучные митрополиты, архиереи и монахи, венчаные надписью «Мы молимся за вас!». А ниже, под столом, рабочий ковал железо, пахарь возделывал землю, и было начертано: «А мы работаем на вас!»

– Это неправда, – возражал Серега Труфанов. – Духовное есть духовно, и вы меня такими картинками не искушайте...

Труфанов был сила, но непутевая сила. Талант, но бесшабашный талант, искривленный и дикий. Он был еще студентом, когда слава о нем как о духовном витии уже гремела. Генералы присылали за ним автомобили, и, встав на дрожащий радиатор, Серега держал перед солдатами погромные речи. По его словам выходило так, что во всех бедствиях Руси повинны евреи и интеллигенция:

– Бей их так, чтобы от них одни галоши остались...

Петербург жил своей жизнью. За стрелки островов выбегали белоснежные речные трамваи, звонко цокали подковами по торцам лихие рысаки, шумели на Озерках рестораны с гуляющей публикой, дразняще ликовал в зелени женский смех, всегда волнуящий чувства, оркестры пожарных команд раздували над парками шемящую тоску старомодных вальсов-прощаний, в магазине у Елисеева даже в лютейшие морозы торговали свежей клубникой, а по вечерам неистовствовали загородные кафешантаны, и там пели канканирующие красотки, вскидывая ноги в белой пене шуршащих кружев:

О Марианна, о Марианна,
протись с прославленным полком,
о Марианна, опять ты пьяна,
остыл твой кофе с молоком...

Ну, скажите мне, положи руку на сердце, какому дураку в бурной и праздничной жизни хочется стать монахом? Труфанов и стал им, приняв новое имя – Илиодор... Он блуждал по Невскому, безумный инок, пугавший проститутток речами о «страшном суде» на том свете. Босой праведник, опоясанный размочаленным вервием, Илиодор сшибал очки с носов прохожих, говоря при этом: «У-у, интеллигент поганый, морда твоя жидовская!» Духовная дорога уводила инока в дебри политики. В голове монаха самым диким образом совмещались идеи крестьянского народничества с махровейшими идеями черносотенства. Идя от бога, Илиодор хотел выйти к народу с его нуждами, но дорогу к народу не знал и пошел вкривь и вкось, словно пьяный. Человек гибкого ума, мракобес широкого масштаба, великолепный оратор, способный увести за собой тысячи, десятки и сотни тысяч людей, – фигура архисложная!

Феофан голубил Илиодора, зазывал в свои лаврские покои, пили они чай с клубничным вареньем, и молодой взвинченный монах раскрывал ректору свою душу, испепеленную ненавистью к «очкарикам», к романам Льва Толстого и к революции грядущего.

– Есть у меня мечта, – говорил он, – издавать журнал «Жизнь и Спасение», на обложке коего изображен квач малярный, и этим квачем мажут рожу дураку в очках. И хочу, владыка, пустить в народ газету по названию «Гром и Молния», а чтобы девиз у нее был такой: «Пролетарии всех стран... разбегайтесь!»

– Мажь квачем, Илиодорушко... все разбегутся.

Он был страшен, как погромщик, но царская власть еще не раскусила, что, возвращая Илиодора для своих нужд, она невольно готовит буйного протестанта, способного выступить и против царя. Тихое житие в келье Илиодора не прельщало. Протопоп Аввакум, Никита Пустосвят, Арсений Враль-Мациевич, Ириной Нестерович – именно эти бунтари церкви стали для Илиодора апостолами, образцами для подражания... Однажды за чашкой чая ректор Академии завел речь о подвижниках, но Илиодор отмахнулся:

– Да где они! В нашем веке чудеса библейские не привьются. Эвон вчера над Обводным каналом аэроплан запускали с винтиком. Тоже чудо! Токмо рукотворное, а не божие.

– От этих самых аэропланов святости не жду, – отвечал ему Феофан. – А подвижники шевелятся... в лесах, где гады ползают. Недавно из Казани от миллионерши Башмаковой

весточку получил. Пишет вдовица кроткая, что в Сибири завелся истинный подвижник по имени Григорий. Он ладно беса из нее выгнал...

– Любопытно бы на него глянуть! – сказал Илиодор.

– Григорий уже в пути. Наплел лаптей поболее и пешком к нам заявится, аки странник вечно гонимый...

Феофан уже взял нового «святого» на учет своей канцелярии – авось и сгодится! Если б эта новость отпрыгнулась обратно в село Покровское, мужики скорее поверили бы в беса паскудного, но только не тому, что их Распутин способен к святости.

Соблазны всюду, как поглядишь, одни соблазны... Искушений столько, что страшно! Чуть свечереет над Лаврою, через забор сигают мрачные патлатые тени, во мраке смачно брякаются трехлитровые бутылки. Оглядятся вокруг – никого нет, и слышать:

– Эй, Нюрка, лезь... Да тихо ты, дуреха лиговская!

В один из дней невыспавшийся Илиодор шел по темному академическому коридору, имея взоры опущены ниже долу, как и положено смиренному послушнику. На плечо ему легла ароматная рука.

– Братец Илиодорушко, – сказал Феофан, – а вот и Гриша навестил нас... тот самый, что в Сибири славно подвижничает!

Илиодор поднял глаза. Стоял перед ним мужик, который неустанно и очень быстро перебирал ногами, будто собираясь пуститься в пляс. При этом руки его находились в движении, а тонкая полоска губ раздвигалась, обнажая изъеденные кариесом зубы.

– Поцелуйтесь... вы ведь одного поля ягода, – сказал Феофан. – Что один, что другой – оба к богу тшитесь...

Распутин, еще больше дергаясь, полез целоваться.

«Григорий, – описывал его Илиодор, – был одет в простой, дешевый, серого цвета пиджак, засаленные и оттянувшиеся полы которого висели спереди, как две старые кожаные рукавицы. Карманы были вздуты, как у нищего, кидающего туда всякое съедобное подаяние. Брюки такого же достоинства, как и пиджак, поражали своей широкой отвислостью над грубыми халявами мужицких сапог, усердно смазанных дегтем. Особенно безобразно, как старый истрепанный гамак, мотался зад брюк! Волосы на голове старца были причесаны в скобку. Борода мало походила на бороду, а казалась клочком свалывшейся овчины, приклеенным к его лицу, чтобы дополнить все его безобразие. Руки старца были корявы и нечисты. Под длинными и загнутыми внутрь ногтями полно грязи. От всей фигуры несло неопределенным, но очень нехорошим духом...»

Так выглядел мессия, когда он впервые появился в столице. После поцелуев Распутин повернулся к Феофану и с улыбкой (Илиодор запомнил ее как «заискивающую, лукавую и противную») сказал:

– А ведь сразу видать, что братец круто молится...

Неясно, чего конкретно хотел Феофан от знакомства с Распутиным и чем бы вообще закончился его приезд в столицу. Но тут из поездки вернулся синодальный владыка Антоний и прогудел:

– Какой еще Распутин? Гришка-то?.. Так я его знаю. Кто его, беса, не знает. Гоните в три шеи! Не верьте ему – жулик! Какой же праведник, если он в Казани на бабах ездил...

– Как это на бабах ездил? – поразился Илиодор.

– Не твоего ума дело: ездил – значит, ездил...

Распутин мгновенно скрылся, и о нем забыли: был – и нету его. А тут как раз подоспела знаменитая саровская эпопея...

В этом году Илья Репин закончил картину «Какой простор!». Помните, накатывающий с моря прибой, а в пенной волне, открытые простору и радости жизни, стоят влюбленные студент с барышней, которым давно уже «море по колено»... С тех пор как Игорь Грабарь разругал картину, стало признаком хорошего тона отзываться о ней критически. Но было и другое мнение, мнение современников, для нас давно угасшее: упоенные бурей и любовью, гордые и красивые, он и она – это как раз те люди, которым предстоит свершать революцию... Какой простор! Какая свобода!

12. Чудо без чудес

Повар царской семьи (на положении ресторатора) получал с персоны Романовых за обычный завтрак 78 копеек, за обед брал по рублю. Вскоре он сделал заявление, что завтрак будет стоить 93 копейки, а обед рубль и 25 копеек – продукты вздорожали! Молодая царица призвала повара к себе и в присутствии придворных кричала, что он вор и мошенник, что он может обманывать кого угодно, но ее обмануть ему не удастся... Алиса сразу дала понять, что за копейку горло перегрызет любому, теперь она ходила на кухню, проверяя, сколько кладется в суп корешков (к прозвищу «гессенская муха» прибавилось новое – «кухарка»). Царская чета кормилась по-английски: завтракали в полдень, обедали в 8 часов вечера. Гостей не любили. За царский стол свободно садились только министр двора Фредерикс и лишь в исключительных случаях дежурный генерал-адъютант...

Победоносцев неожиданно был приглашен к завтраку.

– Константин Петрович, – сказал Николай II, – мы вот тут подумали и сообща решили, что преподобного Серафима Саровского надо бы причислить к лику святых земли русской.

– Простите, государь, а... с кем вы подумали?

Император заискивающе глянул на свою ненаглядную.

– У меня немало друзей, – отвечал загадочно.

Синеватые пальцы обер-прокурора святейшего Синода сплюснулись на ручке чашки; Победоносцев даже помертвел.

– Для этого необходимо, – заговорил жестко, – чтобы Серафима чли верующие. Чтобы в народе сохранились предания о его подвигах во имя Христа. Чтобы его мощи оказались нетленными... Я не могу сделать его святым по указу царя! – заключил твердо.

– Зато царь все может, – вмешалась императрица...

Скоро в Саровскую пустынь выехала особая комиссия, которая – увы! – никаких мощей старца не обнаружила. В гробу валялись, перемешанные с ключьями савана, несколько затхлых костей, нашли истлевшие волосы и черные зубы. В протоколе осмотра так и записали, что нетленных мощей не сыскано. Строптивную комиссию, не сумевшую понять желаний царя, разогнали – создали другую, более сговорчивую. Серафим Саровский был признан в святости, а «всечестные останки его – святыми мощами»! Николай II на этом докладе отметил: «Прочел с чувством истинной радости и умиления».

Летом 1903 года высшее духовенство империи (кстати, были они блестящие режиссеры!) организовало сцены «народного ликования» в Саровской обители. Втайне ловко сфабриковали чудесные исцеления возле источника Серафима; жандармские сейфы, взломанные революцией, раскрыли секрет чудес. Вот фотографии филера Незаможного: здесь он слепой, а здесь уже зрячий. Вот видный чиновник Воеводин: здесь он паломничает, несчастный, с котомкою и на костылях, а вот костыли брошены в крапиву – Воеводин уже пляшет... Машина святости, подмазанная госбанком, работала хорошо! Ждали приезда царя с царицей. На всем долгом пути их следования – от Петергофа до Арзамаса – были выстроены солдаты при оружии (по солдату на каждые 100 метров). При встрече было немало дешевого пейзажества: плачущие бабы, вышитые полотенца, хлеб-соль, жбаны с яйцами. Николай II спрашивал волостных старшин, каково им живется, наказал слушаться земских начальников. В одном месте царь решил пройтись по лужайке, не зная, что там была протянута проволока. В высокой траве ее не заметили: Николай II кувырнулся так, что шапка отлетела, а шедший за ним старец Фредерикс расквасил нос. Местный фельдшер, не искушенный в придворном этикете, измазал физиономию царя и министра какой-то несмываемой зеленью. Четверть миллиона богомольцев жили неряшливым табором под открытым небом. Ретирадников для них не устроили, и потому свита царя часто натыкалась на неприличные позы, портившие общую картину торжества. Питьевая

вода была загрязнена, богомольцев разобрал понос, побаивались холеры. Николай II лично тащил гроб с останками Серафима Саровского, а так как он был маленького роста, то гроб все время заваливался вперед, а шедшие за царем генералы сознательно приседали. Взмыленный от усердия Саблер, синодский заправила, старался больше всех, ибо он был евреем, а хотел стать гаулейтером православия! Потом царь с царицей навестили юродивую Пашу, которая «показывала им части тела, которые обычно скрывают... встретила грубейшей руганью и в их присутствии исполняла свои нужды...». Александра Федоровна прибыла в Сарово целеустремленной, жаждущей чуда. «Мне нужен Алексей!» – говорила она. Возле самой могилы Серафима спешно откопали пруд. Сначала в этом пруду Алиса с сестрой Эллой выкупали фрейлину Саломею Орбелиани – женщину удивительной красоты, парализованную от сифилиса, которым ее заразил свитский генерал Рыдзевский. Ждали ночи. Под покровом темноты, в сонме молчаливых статс-дам, из павильона вышла императрица и направилась к пруду, на ходу сбрасывая с себя одежду. Агенты наружного наблюдения, страховавшие Романовых даже в интимной обстановке, видели из кустов, как царица долго полоскала в воде свое узкое длинное тело. Потом, нервно вздрагивая от ночной свежести, почти голубая при лунном свете, Алиса стояла на мостках купальни, а фрейлины растирали ее полотенцами. Никто тогда не знал, что из темени кустов за царицей наблюдает тот самый человек, который станет ее мессией. Пронизывая мрак ночи, глаза сибирского конокрада издали ощупывали недоступное для него царственное тело... А среди прислужниц, вытиравших императрицу, находилась в Сарове никому еще не ведомая Аннушка Танеева (в скором будущем – Вырубова). Пора уже случиться чуду!

На Инженерной улице в Петербурге, в доме № 4 проживал статс-секретарь Танеев – столичная знать, элита общества, сливки света. Казалось бы, и дочь видного бюрократа должна распуститься в некое прелестное создание, благо кремов и музыки вложили в нее немало. Но этого не случилось! Аня Танеева росла толстой, молчаливой и угрюмой, совсем не похожей на аристократку. Родители ее были культурными людьми, но Анютка с грехом пополам выдержала экзамен на маловыразительное звание «домашней учительницы». В 16 лет, когда красота только распускается, это была уже громоздкая бабища – с массивной грудью, с жирными плечами. В 1902 году она перенесла брюшной тиф, давший осложнение на кровеносные сосуды ног, и девица опиралась при ходьбе на два костыля...

Такой впервые и увидела ее в Царском Селе императрица.

– А я вас знаю, – сказала она Анютке. – Не помню – где, может, во сне, а может, и в загробной жизни, но я вас встречала.

Отбросив костыли, девица грузно бухнулась на колени.

– Я и сама чувствую, – запищала она, ползая по траве, – что я сама не от себя, а лишь загадочное орудие чужой судьбы, которая должна очень тесно переплестись с судьбою моей.

– Встань, – велела ей Александра Федоровна. – Какой у тебя удивительно высокий голос, а у меня как раз низкий... Если ты еще и поешь, так мы с тобою составим неплохой дуэт...

Теперь, когда к царице приезжала Наталья Ирецкая⁴, во Дворец призывали и Анютку; вдвоем, закрыв глаза, они безутешно выводили рулады, воскрешая забытый романс Донаурова:

Тихо на дороге, дремлет все вокруг,
Что же не приходит мой неверный друг?..

⁴ Н. А. Ирецкая (1845–1922) – профессор Петербургской консерватории по классу вокального пения; среди ее учениц Н. Забелла-Врубель, Е. Катильская, Л. Андреева-Дельмас, Н. Дорлиак и др.

Невзирая на возникшую близость к императрице, на плечо Танеевой не торопились прицеплять бант фрейлинского «шифра» (очевидно, при дворе не хотели иметь фрейлину с такой топорной внешностью). Перед поездкой же в Сарово Анютка призналась царице, что влюблена безумно, но он такой мужчина... просто страшно!

– А каков он? – ради вежливости спросила Алиса.

– Настолько обольстителен, что я боюсь на него глядеть. Я и не глядела! Но он недавно овдовел и теперь свободен.

– Назови мне его, – велела императрица.

– Это генерал Саня Орлов, ваше величество...

Императрица откинула голову на валик кресла.

– Ну... и что? – спросила, овладев собою. – Вы с ним уже виделись? Он тебя уже тискал, этот жестокий бабник?

Анютка испугалась, но отнюдь не грубости языка императрицы, ибо в обиходе двора бытовал именно такой язык – почти площадной. Наверное, только сейчас девица сообразила, почему Алиса, став шефом Уланского полка, сделала Орлова командиром своего же полка... От страха шитье выпало из рук толстухи.

– Я виновата, – заплакала она. – Но не ведаю, перед кем виновата. Вы же сами знаете, что перед Орловым устоять невозможно. Расскажешь до конца: он сказал, что придет ко мне.

– Придет... куда и когда?

– Сегодня вечером. Я уже дала ему ключ от дачи...

За окнами свежо и вечно шумел царскосельский парк.

Императрица обрела ледяное спокойствие.

– Пусть он приходит, и тыпусти его, – сказала она, с неожиданной лаской погладив Анютку по голове. – Тебя сам всевышний послал для меня. Ты и верно что не сама от себя, а лишь орудие моей судьбы, которая переплетется с твоей судьбой...

Когда над царской резиденцией стемнело, генерал Орлов, накачавшись коньяком «до пробки», открыл дачные двери. Голос Анютки Танеевой окликнул его из глубин мрачного дома:

– Идите сюда... сюда... вас уже ждут!

Из потемок возникли горячие руки и обвили шею прекрасного наркомана. Но с первых же минут свидания Орлов почувствовал, что его встретило не совсем то, что он ожидал.

Ярко вспыхнул свет, и Орлов обомлел...

Перед ним лежала шеф лейб-гвардии Уланского полка!

– Вот как вредно ходить по девицам, – сказала она со смехом, – можно попасть в постель замужней женщины... Ты удивлен? Но я же поклялась тебе однажды, что никогда тебя не забуду!

Они ушли. Анютка уже собиралась спать, когда с крыльца раздался звон шпор. Ей показалось, что это возвращается Орлов, дабы экстренно проделать с ней то, что он только что проделал с императрицей, и этим благородным жестом он как бы принесет ей свои извинения. Но в спальню вдруг шагнул сам император Николай – в солдатской шинельюге, пахнувшей конюшней, он был бледен, от него ужасно разлило вином.

– Аликс... была? – вот его первый вопрос.

– Да, – еле слышно отвечала Анютка.

– Тогда... ложись, – нелогично велел император.

Классический треугольник обратился в порочный четырехугольник. Николай II впредь так и делал: напьется – идет к ней. «А когда я не пьян, – признался он, – так я уже ничего не могу...» Он относился к любовнице, как к поганой выгребной яме, куда можно сваливать всю мерзость опьянения. Анютка была измазана царем с ног до головы, и эта-то грязь как раз и цементировала ее отношения с царской четой. Освоившись с положением куртизанки, Анютка в

Ливадии уже открыто преследовала Николая II, что не укрылось от взоров императрицы... Что бы сделала на ее месте любая женщина? Все сделала бы – вплоть до серии звонких оплеух! Даже град пощечин с воплями и слезами можно понять, ибо они – от здорового чувства, не омраченного цинизмом. В любви бывает всякое, и не бывает в любви только равнодушия. Алиса же повела себя строго педантично. Сама до предела откровенная в интимных вещах, она и мужа приучила к откровенности, доведенной до безобразия. То, что в жизни всеми подразумевается, но не подлежит обсуждению, Романовы пережевывали на все лады. Николай II доложил жене о своей измене во всех подробностях... «Аняхватила через край, – подлинные слова императрицы. – Но ты слушайся меня! Тебе следует быть твердым. Не позволяй наступать на ногу. Если она опять станет лезть, мы будем время от времени окатывать ее ледяной водой». Даже в этой истории за ней осталось решающее слово главного консультанта. Она сама не замечала, что в ее практической дидактике есть нечто противоестественное. Это даже не цинизм, а лишь атрофия нравственного возмущения. Никаких клятв от мужа царица не требовала (у самой рыльце в пушку), и Николай II никогда не прерывал своих отношений с Анюткой. Об этой скотской связи догадывались многие, а потому и женихов на богатую невесту не находилось. Когда все уже ясно, тогда и скрывать ничего не надо. Танеева жаловалась самой... царице:

– Мне теперь трудно найти мужа, – говорила она.

– Я сама найду тебе мужа, – утешала ее Алиса.

30 июля 1904 года у императрицы наконец-то родился наследник-цесаревич, нареченный Алексеем. Над Невою долго палили пушки. Николай II был искренне убежден, что наследника престолу подарил его духовный патрон Серафим Саровский... Позже, когда Алексей подрос, придворные находили в нем большое сходство с генералом Орловым. По углам шушукались: «Стоило в это дело вмешаться Орлову, как, глядь, и наследник сразу же появился...» Впрочем, иностранная печать, отлично осведомленная, никогда и не считала Николая II отцом цесаревича Алексея.

Теперь, когда цесаревич явился, император отобрал у своего брата титул наследника российского престола. Но Мишке тут же было присвоено положение «условного регента» (на всякие непредвиденные случаи жизни). Надо признать, что, повзрослев, Мишка и не запрашивался на корону. «А зачем мне эта морока? – говорил он, когда ему делали намеки на то, что он имеет право претендовать на престол. – Разве мне и без короны плохо живется?» Михаил Александрович рано начал кутить, отчаянно прожигая жизнь по шантанам, к двадцати годам это был уже совершенно облысевший человек, а ресторанная кухня наградила Мишку отличной язвой желудка. Вокруг него, щедрого на кутежи и подачки, постоянно крутились ищущие злата женщины. По натуре он был добряк, не умевший ни в чем отказывать, и когда одна из метресс, госпожа Косиковская, наступила ему на горло, чтобы он срочно на ней женился, Мишка не стал отстреливаться до последнего патрона, а сразу же поднял руки, сдаваясь на милость победительницы... Пришлось вмешаться матери, которая спровадила энергичную даму на Ривьеру, а сыночку устроила головомойку: «Пойми, что при скандальном браке ты теряешь все. Ты теряешь главное – право на занятие престола...» Это было крепко и звонко сказано! За спиной Мишки еще много лет трещали, ломаясь в поединках, копыя царедворцев и родственников. Мария Федоровна, явно недовольная Николаем и своей невесткой, кажется, была не прочь произвести на троне шахматную рокировку, заменив старшего сына младшим...

А лето 1904 года выдалось знойное, с частыми грозами. Короткие бурные ливни не освежали земли. Алиса, как всегда, болела: полежав на постели, перебиралась на кушетку, с кушетки – в шезлонг. Николай II, подобно дачнику-обывателю, шлялся по окрестным лесам, собирая в лукошко грибы и ягоды. Родители не могли нарадоваться на своего ребенка. «Уди-

вительный бэби – никогда не плачет!» 8 сентября младенец доставил им первое беспокойство. Вдруг ни с того ни с сего началось обильное кровотечение из пуповины. Врачам сделалось страшно. Лейб-хирург профессор Сергей Петрович Федоров первым нарушил тягостное молчание.

– У наследника престола, – доложил он царю, – болезнь, называемая «болезнью королей». В науке же зовут ее гемофилией. Пустяковый ушиб или укол иглою, даже приступ кашля могут вызвать кровотечение, которое медицина не способна остановить. Ваше величество, знайте правду: гемофилитики обычно умирают в детстве и очень редко они вступают в зрелую жизнь.

Федоров пощадил царя, умолчав о главном: гемофилия является ярким признаком вырождения. Странно, что женщины этой болезнью никогда не страдают, и великобританская королева Виктория всю жизнь чувствовала себя отлично. Но именно она-то и несла в себе гены этой ужасной болезни, которая расползлась как лишай по дворам старинных династий Европы, поражая отпрысков коронованных родителей. Три испанских инфанта, потомки Виктории, уже умерли от гемофилии; родной брат кайзера, гросс-адмирал Генрих Прусский, женатый на Ирене Гессенской, уже получил от нее сплошь отравленных сыновей. Принято думать, что Вильгельм II был особо заинтересован в браке Николая с Алисой, чтобы безжалостная гемофилия ускорила вырождение Романовых... Ну, а сама Алиса? Знала ли она об этом? Да, она тоже знала. Всем своим не женским, а чисто монархическим существом Алиса стремилась к зарождению в себе не столько сына, сколько наследника, ибо вопросы династии для нее были дороже чувств материнства, и вот она наследника произвела... Встреча с гемофилией состоялась, ничего исправить нельзя! Революция ампутирует то, что уже отгнило...

13. Бесстыжий апостол

Конокрады, они с коновалами всегда в дружбе. Им это надо – когда жеребца охолостить, когда кобылу доправить, чтобы в цене шла подороже. Гришка Распутин, пока с лошадиного воровства жил, немало повидал коновалов. От них и познал врачевальные тайны, что тянулись в XX век от ветхозаветной Руси, от народного разума, от знахарских книг, писанных в лихие времена славянской вязью, закапанных воском древности...

Многое запомнил. Сберег. Пригодится!

Покровские мужики хотя и презирали Гришку, но иногда были вынуждены признать его превосходство над ними. Однажды мальчонку резанули косою по ноге, кровью исходил малый на сенокосе, а Гришка пошептал что-то, приложил травки – и кровь замерла... Чудеса творил Гришка и перед конскими ярмарками. В канун торжища приволок откуда-то полудохлую клячу, запер ее в амбаре. Неделю отпаивал ветхую кобылицу снятым молоком с отрубями. А когда наступала ночь, Гришка во мраке, тихо подкравшись, вдруг ожигал клячу кнутом, отчего она стала пугливой. Зубы у лошади давно стерлись, верхушки их стали плоскими (признак старости). Каленым железом Гришка по-цыгански выжег ей в зубах ямки, какие бывают только у молодых коней. Когда же повел клячу на ярмарку, все только ахали: выступал за ним резвый, подвижный коняга, дрожа гладкой шкурой, а по зубам дашь ему два года – не больше...

Покровский староста Белов рассуждал:

– Мазурик он! Может, исправнику нажалиться мне?

Дошло это до Гришки, и он Белову грубил бесстрашно:

– Ты, коли медаль нацепил на шею, так ко мне не совайся. Я человек божий и завсегда могу уйти в странники...

Гришка часто уходил из села, пропадая в долгих отлучках, а потом являлся, изможденный и мрачный, мутные глаза его скользко плавали в ободах синевы; был он тих после богомолий, посылал свою Парашку до лавки с запискою собственного сочинения: «Милостив Гасудар гаспатин Лавашник быть любезна Силетку мне по жирне и по толоче уважаючи тебе грегорий».

Покровский лавочник спрашивал Парашку:

– Тебе, Федоровна, какую – с икрой или с молоками?

Иногда же брал рубль, ставя его ребром на прилавке.

– Эво! – говорил, подмигивая. – Красная цена тебе... На сеновал-то придешь ли? Разведем мы икру с молоками.

– Да будет вам, – отвечала Парашка. – Я ему про селедку, а он мне про это самое. Эдак-то и до греха недалече. Заворачивай ту, котора с молокой... Когда на сеновал-то приходит мне?

Была она, под стать мужу, бабой скверной. Под самый XX век пошли у Распутиных дети – сын Митенька да две дщерицы, Варька с Матрешкой, – сопливые, нечесанные, зимой они по нужде босые по сугробам гоняли. «Распутинские, – говорили на селе, – живучие. Их и оглоблей не проймешь... Ишь, заливаются – голосистые!»

Без паспорта, без денег, даже без лаптей отваживался Гришка шляться далеко. Когда отмечались саровские торжества, он долго болтался в «нетях», вернулся и брякнул мужикам в разговоре:

– А я вот царицу повидал, нагишом... быдто Еву!

– Врешь ты все, – не верили ему.

Гришка рассказал, что в Сарове, когда императрица в пруду купалась, он в кустах с одной монашкой радел и все видел.

– Ну и кык она? – спрашивали. – Царицка-то у нас?

– Да в темноте они, бабы, все одинакие. Видел я тока, что больно мосласта, нежирная... Я бы и лучшее ее разглядел, да мне монашка моя мешала: «Радей дале, говорит, коли уж на меня взобрался, так на чужих баб не разевайся...»

Пока же он там болтался по разным святым местам, Парашка его вконец истрепалась. Путалась исключительно с «аристократами» – с писарями, сотскими, лавочниками. Когда Гришке указывали на непотребство жены, он только отмахивался небрежно:

– Жалеть ли добра такого? От бабы не убудет... Это вы, дикари, закосматели тута, даже кофию ни разу не пробовали...

– А ты рази кофий пил?

– А как же! Я вот тока господского коньяка не пил. Но погоди, я и до этого коньяка, даст бог, ишо доберусь...

Вскоре было примечено, что после долгих отлучек по богомольям у Гришки начали денежки шевелиться. Он даже лошадь с шарабаном купил, стал носить высокий черный цилиндр, какие носили тогда провинциальные священники. «С чего бы такая роскошь?»

– Не убил ли кого? – толковали мужики. – С Гришки ведь всякое станется. А со странствий добра не спроворишь...

Вдруг прикатила в Покровское на тройке с бубенцами вдовая миллионерша Башмакова, надарила Парашке разных платьев, щедро оделила детвору Гришки гостинцами. Распутин выстроил на отшибе села новую баню с каменкой, водил туда миллионершу по вечерам, и там они знойно парились. «Греха не пужайся, – говорил Гришка богачихе. – Потому как всякий грех я на себя забираю, и пред богом тебе виноватой стоять не придется. С богом я и сам разберусь!..» Башмакова растрезвонила по свету, что вот, мол, апостол какой объявился – не только согрешит, но еще и от греха очистит. Понаехали из города и другие паскудницы – тоже усердно парились, а из бани Гришку, вымытого до изнеможения, вели под локотки – словно гуся важного! «Осторожнее, старец: здесь крапива, – щебетали барыни. – Ах, устал наш старец...» (а старцу-то и сорока лет еще не исполнилось!). В голове Распутина, под буйными зарослями волос, вечно спутанных в жесткий колтун, была адская мешанина отбросов чужих мыслей. Все, что вынес он в юности из радикальной земской больницы, чего набрался в трактирах и конокрадских притонах, что впитал в себя на хлыстовских радениях, – все это, вместе взятое, образовало в башке его ужасный шурум-бурум... Одну лишь истину разумел он крепко и жадно:

– Чего это я стану ждать царствия небесного? На што мне облака да тучи? Я на земле желаю жить по-царски. Чтобы бабы плясали! Чтоб вино лилось! Чтобы самовары кипели! Чтобы сапоги у меня скрипели! Чтобы рубахи вышиты! Чтоб... всем вам треснуть!

Безжалостный к чужой жизни, харкая в самое святое людей, Распутин скоро совсем распоясался. Казалось, ему доставляло удовольствие надругаться над извечным целомудрием крестьянского мира, и напрасно бабы пытались увещевать его жену:

– Глаза-то твои бесстыжие видят ли, что деется? Ведь, чай, не чужая... жена ему! Нешто самой-то тебе не противно?

Парашку теперь было не узнать: развалив по подоконнику тяжелину грудей, барыней сидела в окошке избы, сама в шелку, ела пастилу голубую и розовую, в усладу себе шелкала орешками.

– А чо мне? – отвечала с игривостью. – Кажинный мужчиночка должен на хлеб супружнице заработать. А уж как сработал – меня не касаемо.

А вскоре прибыл новый священник – отец Николай Ильин, сосланный Синодом в Сибирь, ибо, будучи человеком честным, он активно выступал против попа Гапона и его вли-

яния на рабочих. Искренно желая отвлечь Гришку от разврата хлыстовского, Ильин стал по вечерам заманивать его к себе на чашку чая. Вел с Распутиным «душеспасительные» беседы, уговаривая вернуться на путь истины. Знакомство пошло Гришке на пользу – поднабрался от попа словечек церковных, ловко молол о мощах и разных чудесах. Ранее манкируя церковью, он вдруг сделался самым усердным прихожанином, подолгу – напоказ! – постился. Не вера, а страх двигал Распутина в официальные храмы: боялся он, как бы за хлыстовщину не упекли его в края, куда и ворон костей не заносит... Не ко времени опять нагрянула в Покровское на тройке миллионерша Башмакова (уже рехнувшаяся). Зонтиком переколотила все стекла в окошках избы Распутина, призывала истошно:

– Гришуня, не покинь! Выйди, голубочек ясный...

Распутин, зевая, вышел. Взял дуру старую за глотку, повалил наземь. Прижал коленом, чтоб не больно-то рыпалась, долго и молча совал кулаком в сдобную морду. Звеня бубенцами и рыдая, мадам Башмакова отъехала... Когда же мужики засомневались, можно ли эдаким манером обращаться с миллионершей, Гришка оправил за пояс выдернутую из порток рубаху и отвечал рассеянно:

– Кто? Она? Миллионщица? Так все едино – баба...

Истомленный развратом и церковными бдениями, он заметно похудел, синяки под глазами расширились. Случилось нечто странное: с лопатой ушел Распутин за околицу, выкопал на опушке леса глубокую яму, будто колодец, прыгнул на дно ямы и заявил оттуда:

– Бес меня вконец истомил... Сами видите – отселе и кроту не выбраться. Теперича здесь поститься стану. А вы мне за это билетку пожирней да потолсче кидайте.

Высидел он в яме несколько дней, заедая свое одиночество жирной и толстой селедкой (когда с икрой, а когда попадалась и с молокою). Но однажды пришли односельчане на опушку, дабы навестить своего «подвижника», а там, в этой яме, Гришка уже не один – рядом с ним сидят на дне и три городские дамочки.

– А греха не избежать, – провозгласил из ямы Распутин. – Почти уже спасся, да энти дуры скакнули сверху, быдто лягухи поганые. Всю святость, какая была, поломали, стервы. Вынимайте меня!

Не сразу до сибирской глухомани долетели отзвуки революции, а потом пошли разные кривотолки, будто скоро будет на Руси собрана народная Дума, чтобы думу о народе только и думать.

– Расплясались! – говорил Распутин. – А на кой хрен вся эта Дума нашему брату? Быдто в кошки-мышки с нами играются...

Ох, не спеши, Григорий Ефимович!

Именно предвыборная кампания по выдвижению «кандидатов из народа» и выпихнула Гришку на поверхность путаной русской жизни, хотя об этом казусе истории у нас мало кто знает.

14. Парламент на крови

Легче всего ругать царей за то, что они... цари! Но марксистская история не осуждает царей за их происхождение. Мы судим не монархов, а только их поступки...

Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января!

Николай II имел в быту репутацию *un charmeur* (то есть очарователя). Спокойными глазами глянем на него как бы со стороны... Милый и деликатный полковник, умеющий, когда это надо, скромно постоять в сторонке. Предложит вам сесть, справится о здоровье, раскроет портсигар и скажет: «Пра-ашу вас...» Он умел производить впечатление мягкого и доброго человека, а скучноватое лицо императора оживляли глубокие материнские глаза («глаза газели»). Военным людям царь импонировал умением держаться на парадах. В его щуплом теле таился геликон удивительной мощи, и трубой своего голоса он свободно покрывал громадные площади, заставленные сплошь войсками...

Внешне, таким образом, все обстояло благополучно.

Но именно царствование Николая II было самым жестоким и злодейским, недаром же он получил кличку Кровавый. Кровавое царствование – и самое бесцветное. Картину своего правления Николай II обильно забрызгал кровью, но безжизненная кисть царя не отразила на полотне ни одного блика его самодержавной личности. Здесь не было ни упрямого азарта Петра I, ни браваурной веселости Елизаветы, ни тонкого кокетничанья Екатерины II, ни либеральных потуг Александра I, ни жестокой прямолинейности Николая I, не было и кулацких замашек его отца. Даже те, кто воспевал монархию, днем с огнем искали монарха в России и не могли найти его, ибо Николай II, словно масло на солнцепеке, расплывался на фоне общих событий. Реакционеры желали видеть в нем грозного самодержца, а к ним выходил из-за ширмы «какой-то веселый, разбитной малый в малиновой рубашке и широких шароварах, подпоясанный шнуручком» (это форма стрелков Императорского батальона). О своих политических планах царь долго помалкивал. Правда, после коронации он дружески повидался с Вильгельмом II: «Константинополь меня сейчас мало тревожит, – сказал он кайзеру. – Мои взоры обращены исключительно на Дальний Восток». Летом 1903 года царь признался, что возвращает страну к завоевательной политике, которую столь прочно затормозил его миролюбивый отец. Николай II задумывал покорить Персию, захватить Маньчжурию, мечтал «разжечь тибетцев против англичан»; надеялся «с помощью жестов и мимики» аннексировать Корею... Восточный узелок был завязан прочно! Русские корабли обживали гавани Порт-Артура и Дальнего, через безлюдные степи легли рельсы КВЖД, Харбин стал почти русским городом, а германский кайзер толкал Николая II все дальше и дальше от Европы: «Твое будущее на Востоке, на тебе, Ники, лежит священная миссия – спасти христианский мир от желтой опасности...» Когда императорские яхты «Штандарт» и «Гогенцоллерн» расходились в море после свидания, Вильгельм II поднимал на своих мачтах провокационный сигнал: АДМИРАЛ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА ПРИВЕТСТВУЕТ АДМИРАЛА ТИХОГО ОКЕАНА. Сухорукий кайзер настолько увлекся восточной агитацией своего кузена, что сам намалевал громадную картину, изображавшую столкновение белой и желтой рас, и переслал картину в дар Николаю II с приказом повесить ее в своем кабинете. И всюду, куда бы теперь ни плыли русские крейсера, даже в пустынности океана они встречали серые, будто обсыпанные золой, японские броненосцы, молчаливо следящие за русскими через лучшую оптику мира – через линзы цейссов-

ской фирмы. Конфликт обострялся... Японский посол настойчиво просил царя об аудиенции с глазу на глаз, однако Николай II каждый раз отвечал «я занят». Когда же они повидались, император, брякнул в лицо послу: «Ze japon finira par me facher!» (Япония кончит тем, что меня рассердит!). В этой фразе он обнаружил мещанское понимание политики: так может сердиться сосед на соседа, но никак не государственный деятель. Зимний сезон 1904 года открылся в Петербурге шумными весельями. «Сарафановый» бал 19 января стал балом историческим... К императору подошла графиня Бенкендорф, жена русского посла в Лондоне, и спросила: будет ли война с Японией? «Я волнуюсь не как жена дипломата, а как мать флотского офицера, который служит на кораблях Порт-Артурской эскадры». – «Я войны не хочу, – отвечал царь, – и ее не будет». В самый разгар бала в залах Эрмитажа появился офицер Генштаба и вручил царю телеграмму наместника Дальнего Востока: японские миноносцы – без объявления войны! – атаковали нашу эскадру на рейде Порт-Артура... Танцы не прерывались. «Ведь это же не люди, а макаки!» – говорили дамы. «Иконами закидаем!» – угрожали японцам генералы.

Из Киева приехал на генерал-адъютантское дежурство грубиян-остряк Драгомиров, когда-то преподававший Николаю II тактику. За гофмаршальским столом во время обеда, когда придворные спрашивали его, чем закончится война, знаменитый тактик рукопашного боя приподнялся со стула и громогласно издал неприличное для царской резиденции звучание:

– Вот чем закончится! – и снова сел за ботвинью...

Настал страшный день на Руси – день 9 января... Это был великий день на Руси – день, с которого началась Первая русская революция. «Тяжелый день, – записывал царь. – Произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Мама приехала к нам прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей...» Даже в такой день он все же не забыл, что прогулки полезны для здоровья. А когда во дворец проникли отзвуки возмущения народа, царица сказала:

– Мы же еще и виноваты остались! Теперь нас винят, что мы убили хулиганов, шумевших под нашими окнами, требуя себе хлеба, как будто они никогда хлеба не ели. Мы уже из своего кармана выложили пятьдесят тысяч – на похороны... Им все еще мало?

Сестра ее Элла (Елизавета Федоровна) проживала в Москве с мужем Сергеем Александровичем, дядей царя. На лице этого сатрапа лежала печать содомских пороков, он окружал себя красавцами адъютантами, а когда жена вознамерилась прочесть «Анну Каренину», то роман полетел в печку: «Это безнравственная книга», – заявил он. 4 февраля бомба эсера Каляева в ключья разнесла великого князя. Мозгами «дяди Сережи» была щедро забрызгана мостовая, и москвичи говорили, что это, кажется, первый случай, когда великий князь «раскинул мозгами». После похорон гимназисты сдали в полицию ногу убитого, найденную ими на крыше. На месте убийства долго стоял городской. Говорят, одна старушка спрашивала его: «Скажи, родимый, кого здесь убили?» – «Проходи, не задерживайся, – пасмурно отвечал городской. – Кого надо, того и убили...» В эти дни Элла приехала к коронованной сестре.

– Каляеву я останусь благодарна всю жизнь, – призналась старшая сестра младшей. – Мне известно, что, рискуя собой, он трижды выбегал перед каретой, но бомбу не бросал, видя, что в карете ехала я с детьми... Такой благородный поступок обязывает меня просить у вас помилования для этого молодого человека.

– Боже, о чем ты просишь, Элла! – отвечала царица...

Каляева повесили. В эти же дни у наследника прорезался первый зуб. А далее следовала Цусима. За поражение наших эскадр потом судили стариков адмиралов Рожественского и Небогатова. Судили офицеров, которые закрыли люки раньше времени. Судили механиков,

открывших люки позже времени. Это были опять легендарные «стрелочники», но главные виновники остались целы... Был у царя еще один любимый «дядя Алеша» – великий князь Алексей, главный пират дома Романовых по прозвищу «Семь пудов августейшего мяса», – именно ему-то мы и обязаны Цусимой! К пальцам этого хапуги прилипли миллионы рублей, взятые у народа на создание флота. Дело дошло до того, что броня кораблей расплзлась, ибо, разворовав заклепки, броневые листы крепили деревянными втулками. Остается непреложным фактом, что один новейший миноносец едва не затонул на полпути между Кронштадтом и Петербургом, так как в дырки для заклепок кто-то сверхпремудро воткнул сальные свечи. При таком флотоводце, как «дядя Алеша», снаряды кораблей уже не взрывались, зато частенько взрывались сами пушки... По причине «беспробудного залития глаз» дядя Алеша не успел даже жениться. Но много лет содержал на флотских харчах французскую балерину Элизу Балетта – толстую, как мешок с картошкой, и я до сих пор удивляюсь, как она умудрялась «порхать» на сцене. Даже ничтожный декорум приличия генерал-адмирал не соблюдал, публично раздеваясь догола, чтобы все видели татуировку, покрывавшую его высочество с головы до пяток, словно дикаря из племени ням-ням. По таблицам Ломброзо – уголовник!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.